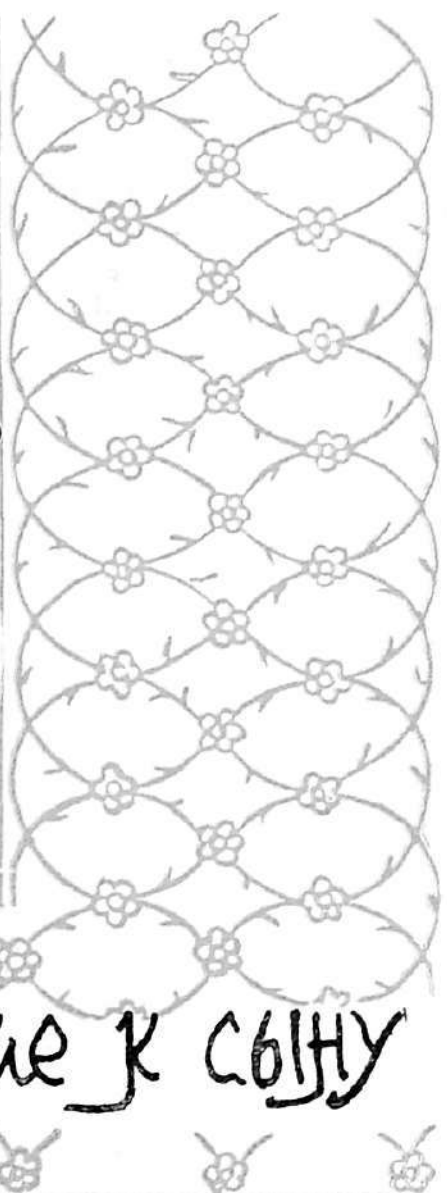

СЕМ
АЗИМ
ШИР-
ВАНИ

Обращение к сыну

1-74844
СЕМ
АЗИМ
ШИР =
ВАНИ

Обращение к сыну

3
БАКУ-АЗЕРНЕШР-1961

М. Ф. Ахундов adına
Azərbaycan Respublikası
KİTABXANASI

Перевод с азербайджанского
И. ОРАТОВСКОГО и А. ПЛАВНИКА

Предисловие и комментарии
А. ЗАМАНОВА

Сејид Эзим Ширвани

ОФЛУМА МУРАЧИЭТ

Редактор А. Варшавская. Художник О. Садыхзаде.
Художественный редактор Р. Гусейнов. Технический редактор С. Миркишьева.
Корректоры С. Агейчева, С. Петросова

Сдано в набор 24/V-1961 г. Подписано к печати 5/X-1961 г. ФГ 09752.
Формат бумаги 84 × 108¹/₁₆. Физ. п. л. 3¹/₄. Условн. п. л. 5 33. Учетн. изд. л. 6,7.
Заказ № 368. Тираж 6000. Цена 36 коп.

Азербайджанское государственное издательство, Баку, ул. Гусн Гаджиева, № 4
Типография «Красный Восток» Министерства культуры Азербайджанской ССР
Баку, ул. Ази Асланова, № 80.

ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

«Как и все великие художники, он слушался одного только голоса внутренней правды — и бесстрашно выражал эту правду в самом крайнем ее воплощении».

Эти слова принадлежат не мне и сказаны они не о Сеиде Азиме. Так писал Корней Чуковский об Александре Блоке. Конечно, Сеид Азим и Блок — поэты разного склада, различного мировоззрения и принадлежат разным эпохам, и все-таки о Сеиде Азиме можно сказать этими же словами. Ибо всю свою жизнь Сеид Азим прямо смотрел в глаза правде и выражал эту правду в крайнем ее воплощении.

В условиях патриархально-феодалной жестокости, в тревожные десятилетия второй половины XIX века он поднял свой мужественный голос против духовенства и всякого рода ханжей, которые веками держали азербайджанский народ в своих когтистых лапах, против тех, кто выжимал из него последние соки.

Священнослужители объявили Сеида Азима вероотступником, дешевые рифмоплеты высмеивали его, царские чиновники клеймили как политически неблагонадежного, преследовали его, но все это не могло заглушить чистого голоса, идущего от самой глубины души.

Поэтому-то его жизнь и творчество без преувеличения можно считать подлинным гражданским подвигом.

Родился Сеид Азим в 1835 г. в Шемахе — одном из древних городов Азербайджана. Красивейший уголок нашей земли, Шемаха исстари являлся колыбелью поэзии, родиной многих славных поэтов Меджлисы¹ поэтов, поэтические состязания, чтение стихов на празднествах и тризнах, перед схватками народных богатырей и перед боями — были неизменной традицией города.

Еще в средние века при дворце ширваншахов существовал литературный салон, во главе которого стоял знаменитый Мелик-ушшуара (глава поэтов) Абуль Ула. Около ста поэтов разных времен прибавляли к своему имени псевдоним «Ширвани». А это значило, что родом они были из Шемахи—центра Ширванской земли.

Властитель дум на всем средневековом Востоке — великий Хагани и глашатай революционных идей, бессмертный Сабир — тоже с гордостью носил псевдоним «Ширвани»—они были шемахинцами.

И Сеид Азим с честью продолжал и возвышал традиционную славу своего родного города.

Осиротев в семь лет, он воспитывался в семье деда со стороны матери — Муллы Гусейна. Уже в этом возрасте он изучал фарсидский и арабский языки у наиболее просвещенных мулл Шемахи и Дагестана. В то время в знатных семьях считалось, что настоящее благо детям может принести только духовное звание. И дед отправил Азима в один из крупных центров исламской культуры — Ирак. В духовных университетах Наджафа и Багдада Азим считался наиболее даровитым студентом — мало кто мог сравниться с ним в знании схоластических наук, восточной философии, логики и, особенно, классической поэзии.

Любознательность, страсть к путешествиям не оставляли Азима. Еще будучи студентом, и позднее, он объездил почти все страны мусульманского Востока, встречался со знаменитыми учеными, бродил по улицам городов и дальних селений, внимательно ко всему приглядывался.

Но ни вдохновенные проповеди мучтенов (высшие духовные лица), ни зазывные лекции знаменитых ученых—толкователей мусульманской религии—не смогли скрыть от него весь ужас современной ему действительности, не закрыли ему глаз на шарлатанство его духовных «учителей». К великому разочарованию своего деда и всей родни он вернулся домой не увенчанный духовным саном, а, наоборот, ярким врагом религиозного фанатизма и «священных отцов».

Вернувшись на родину, Сеид Азим не стал проповедовать в мечети, а избрал иной путь — путь поэзии. И стихи его вошли в души земляков и сограждан, рождая в них светлые чувства и надежды. Своей поэзией он старался разогнать тучи невежества над родиной, принести ей свет и чистый воздух правды.

И с этой минуты на всю жизнь лишает он себя покоя, вступая в трудную борьбу со старым миром. Сколько мужества и силы

требовала эта борьба, которую он вел до последней минуты жизни, ничего не боясь, ни перед чем не отступая. Только сочувствие простого люда могло поддержать его в этой неравной борьбе.

Вспомним такой примечательный случай. Сеид Азим был еще молодым поэтом, когда в Шемахе, «из дальних странствий возвращаясь», остановился иранский шахиншах Насреддин. Духовники и городская знать из кожи вон лезли, чтобы устроить достойную встречу «богу земли». И только один человек не поддавался общему ликованию. Напротив, он написал едкую сатиру, горько высмеивавшую шаха-невежду и его слепых почитателей.

Огонь деятельности не гас в его груди. Он создал литературный меджлис города и возглавлял его до самой смерти, он устраивал поэтические диспуты, установил дружеские связи с известными поэтами в Баку, Шуше, Кубе, Нухе, Гяндже, Дербенте. Из традиционных поэтических состязаний он неизменно выходил овеянный славой победителя, признанный всеми — и друзьями и соперниками. И не зря называли его современники «серамеди-девран»—глава эпохи.

Для борьбы с невежеством и темнотой он избрал еще один путь—учительство. В 1869 г. Сеид Азим создал свою знаменитую частную школу, которая существовала 19 лет—до смерти ее создателя. Открытие этой школы было огромным событием не только для Шемахи, но и для всего Азербайджана. Ибо очень немногие существовавшие тогда русские школы были доступны только для детей имущих. А в муллаханах—духовных школах обучали лишь тем языкам, на которых писались священные книги. И дети, годами стоя на коленях на жестких циновках в сырых и темных комнатах, избиваемые муллами, выходили оттуда нравственными уродами.

В «Сборнике для описания местностей и племен Кавказа» (выпуск IX) приводится такой эпизод: в Шемахе, мимо муллаханы гнали жалобно блеющую овцу. Один из учеников сказал:

— Что ты так горько блеешь, несчастная? Тебя ведь на бойню ведут, а не в муллахану...

По всей вероятности, это анекдот, но он вызван к жизни не пустой попыткой насмешить, а жестокостью, бытовавшей в духовных школах.

В школе Сеида Азима вместо циновок стояли парты, вместо духовных наук изучались светские, преподаванию родного языка впервые отводилось достойное место и, кроме него изучались еще

русский, арабский и фарсидский языки. Особое значение придавал Сеид Азим русскому языку.

Об этом он писал и в своих стихах:

Особенно язык нам нужен русский,
Со всеми языками дружен русский.
Нам нужен русский — честный и прямой,
Ты русский изучай, наследник мой.

За 19 лет школа Сеида Азима выпустила сотни учеников. Целое поколение азербайджанской интеллигенции, сыгравшее позднее видную роль в развитии родной культуры, начальное воспитание получило именно в этой школе. Здесь уместно напомнить, что великий азербайджанский поэт, революционный демократ Алекпер Сабир является питомцем этой школы и начал писать стихи под непосредственным влиянием Сеида Азима.

Педагогическая деятельность Сеида Азима не ограничивалась только собственной школой. Параллельно он учительствовал в школе благотворительного общества, которая просуществовала недолго, а в конце семидесятых годов начал преподавать туземный язык (так пренебрежительно называли тогда царские чиновники языки окраинных народов) в городском училище. Учебников и пособий не существовало, и Сеиду Азиму пришлось создать собственный учебник, в который он включил, помимо своих стихотворных рассказов, притч и басен, произведения азербайджанских писателей и известных русских баснописцев И. А. Крылова и И. И. Дмитриева в собственных переводах.

На уроках Сеида Азима ученики под его диктовку записывали тексты в свои тетрадки. Это стало сильно беспокоить царских просвещенцев. Как бороться с этой крамолой? Ведь Сеид Азим считался политически неблагонадежным. Мало ли что он там надиктует...

И вот в Шемаху приходит казенная бумага: «Уничтожить записки учащихся из учебника Сеида Азима, негласно, без объяснения причин отстранить его от преподавания...».

Только петиции возмущенных шемахинцев помогли Сеиду Азиму восстановиться в городском училище.

Ни одно событие в культурной жизни не проходило мимо Сеида Азима.

Когда в 1875 г. питомец Московского университета Гасан-бек Меликов (Зардаби) основал первую прогрессивную газету «Экинчи»

(«Пахарь»), открывшую новую страницу в истории азербайджанской общественной мысли, Сеид Азим стал верным сотрудником и соратником Гасан-бека в его борьбе.

Но газета «Экинчи» была закрыта царской цензурой, и Сеид Азим с таким же рвением сотрудничал в газетах «Зияи Кавказия» («Свет Кавказа»), «Кешкюль» («Дароносец»). На страницах этих газет отточилось перо Сеида Азима — выразителя народных чаяний и горестей.

* * *

Природа наградила Сеида Азима даром, подобным бурлящему горному источнику — чистому и неиссякающему.

Он оставил читателям два больших «дивана» — сборника стихотворений, куда вошли многочисленные газели, сатиры, стихотворные рассказы, притчи, басни и др. Он легко и непринужденно владел всеми формами восточной поэзии, одинаково свободно писал на родном и фарсидском языках.

Как жаль, что многие чудесные произведения поэта не были опубликованы при его жизни, и читатели знакомы с ними только по рукописным спискам, передававшимся из рук в руки, как жаль, что он не смог увидеть при жизни ни одной своей книги.

Только в 1892 г. в Тавризе впервые был издан его «Азербайджанский диван», который быстро завоевал читателя в обеих частях Азербайджана — Северном и Южном — и вскоре стал библиографической редкостью.

Годы, в которые творил Сеид Азим, были трудной и сложной порой в истории Азербайджана. Со времени заключения Туркманчайского договора, по которому Северный Азербайджан был присоединен к России, прошло уже более четверти века, и, вопреки колонизаторской политике царизма, под влиянием прогрессивной русской культуры в Азербайджане дружно стали подниматься всходы новой, передовой культуры, близкой народу, его чаянием, его будущему.

Поколение азербайджанской молодежи, обучавшееся в средних и высших школах России, вернулось к себе на родину и повело борьбу за новое.

Это поколение прекрасно служило своему народу. Достаточно сказать, что именно оно заложило прочные основы реалистической литературы, верной жизненной правде, основы драматургии и театра, а также профессиональной национальной печати.

Но эта пора была одновременно и трудной, потому что между новым и старым шла смертельная борьба и старое не хотело добровольно покидать сцену, а даже самые малейшие победы нового достигались ценою жестоких битв и напряжения.

Джафар Джабарлы, основатель азербайджанской советской драматургии, говоря о литературе того времени, образно заметил:

«В то время жизнь, с одной стороны, рушилась, распадалась, а с другой стороны — воздвигалась в совершенно ином, новом виде. И Мирза Фатали Ахундов, как инженер, держа свое беспощадное перо, указывал: здесь надо разрушать, здесь надо строить. Он показывал всю обреченность старого быта, раскрывал его ветхость и утверждал в сознании все преимущество и неизбежность вновь воздвигаемого».

В этой созидательной и одновременно разрушительной борьбе Сеид Азим спешил на помощь своему старшему современнику и стал его боевым соратником, эта борьба составила основной пафос его творчества.

Сеид Азим понял: времена, когда можно было только смотреть в прошлое, миновали; надо смотреть вперед, идти к свету, равняться на требования времени. Он убедился, что нельзя служить народу так как это делали создатели касид и марсия (од и религиозных песнопений), не вызывать у него покорности и слезы, надо смешить его и заставить смеяться над самим собой, над собственным невежеством.

И вот поэт, в первые годы создававший главным образом лирические газели, избрал новый путь.

Каков же был этот новый путь?

Весь смысл литературного творчества Сеид Азим отныне оценивал с точки зрения интересов народа, притом самых угнетенных его слоев. Наряду с поучительными, дидактическими стихами он стал создавать острые сатиры, стараясь помочь народу распознать своих друзей и врагов, понять свое назначение.

Главным героем сатир Сеида Азима, против которого он направлял свои наиболее чувствительные удары, были служители религии. Потому что эти последние призывали народ смириться с существующим и думать только о постороннем. Они объявляли падишаха земным богом, называли грехом всякое непослушание и, таким образом, учили раболепной покорности.

Вот почему так яростно ненавидел Сеид Азим святых отцов церкви. Языком своих сатир он говорил согражданам: ваши святые

отцы—предатели, двуличные лжецы, они торгуют именем бога и пророка. Сами они не выполняют того, к чему зовут вас. Ради малейшей выгоды они готовы сразу же отступить от своих поучений, ибо все, о чем они толкуют вам от имени бога и пророка, они сочинили сами.

Возьмем, например, сатиру «Похороны пса», вошедшую в эту книгу. Почтенный Гаджи, который нажил неслыханное богатство за счет народа, не знает куда девать свое добро. Он не слышит стоны голодных и нищих. Сдохшая собака ему ближе и дороже людей. Он решает предать ее земле на кладбище, устраивает семидневные поминки, молится. Недовольство народа доходит до муллы, который возмущен кощунством Гаджи:

...Скверные дела!
Тот Гаджи пред богом виноват,
Осквернил коран и шариат.
Разве можно веру сохранить —
Пса, как правоверных, хоронить!

Обозленный мулла на своем ослике трусит к Гаджи, чтобы расправиться с ним на глазах у народа. Но как только мулла узнает, что покойный и про него «не забыл» и завещал ему полсотни овец, он тотчас забывает и про коран и про шариат. Когда же «воля пса» была исполнена, —

Простонал мулла, не пряча слез:
— Не греши! Да разве это пес?
Твой Боздар не хуже нас с тобой —
Это подтвердит тебе любой...

Так с плеча наносил Сеид Азим удары по лицемерию священников, так выводил он их на чистую воду.

И делал это Сеид Азим не только в сатирах, но и в стихотворных рассказах, баснях, притчах, даже газелях.

Он хотел, чтобы народ понял, какие шарлатаны и распутники держат в своих руках вожжи, и, наконец, сказал бы:

— Довольно тебе притворяться, имам.
В учености этой нет радости нам.
Кого просветил ты, кому ты помог,
Кого излечил ты, о лживый пророк?
В науках сильны христианские страны,

А ты занялся толкованьем корана.
И если живем мы в тисках темноты,
То в этом виновны такие, как ты...

Как любой крупный художник, Сеид Азим глубоко и тонко чувствовал сложную природу художественного образа.

Его критика никогда не носила прямого, «лобового» характера. Что прекрасно и что скверно — не называлось по имени. О самых кричащих и возмущающих душу событиях он рассказывал внешне беспристрастно, а на самом деле в его словах таилась грозная взрывчатая сила, и он заставлял читателя самого приходить к нужным выводам.

Сошлемся для примера на сатиру «Взятка богу». В ней поэт показывает, какие глубокие корни в сознании народа пустила слепая вера. Измученные голодом и засухой люди, собрав последние копейки, отправляют «посла» к богу, чтобы умолить его послать на землю дождь. Где-то в степи посланец встречает богатого плута-охотника, принимая его за аллаха. Тот благосклонно берет даяние и обещает в ближайшую пятницу ниспослать им благодать. В пятницу действительно пошел ливень, причем такой силы, что погубил все посева. Вышло, что аллах не помог, а отомстил своим даятелям. Казалось бы, они должны быть обозлены? Увы! Они и тут находят оправдание аллаху:

Но кто-то сказал:
— Справедлив наш аллах!
Он денег таких не видал в небесах,
И так он на сумму на всю завернул,
Как будто от немощи зелья глотнул.

Каждая деталь у автора подчинена замыслу, лаконизм и выразительность стиха придают ему такую силу, что цель достигается без прямой авторской «морали».

Многие сатиры Сеида Азима построены таким образом, что они становятся как бы двухплановыми. В «Ученом неуче» рассказывается о том, как поехал мулла в дальние страны, чтобы набраться мудрости. На деньги, которые присылали ему горожане из месяца в месяц, он пьянствует и распутничает, «зарабатывая не знания, а звание», возвращается домой ханжой и невеждой. Он откровенно глумится над темнотой своих благодетелей, но все его издевательства они принимают, как должное, и вместо осуждения благодарят его:

Тебе подобных в нашем мире нет еще,
Ты излечил несведущих и сведущих.
Коль были б все учеными такими,
Мы сами мудрецами стали б с ними...

В этой сатире обличаются с одинаковой силой притворство и убожество духовенства и доверчивость и наивность темного народа.

Еще один пример такого построения сатирических произведений Сеида Азима. Встретил крестьянин хана («Крестьянин и хан»), с превеликим почтением приветствовал его.

Но в ответ
На привет
Крикнул хан:
— Прочь, кабан,
Уходи с дороги, пес!

А что же крестьянин? Он был оскорблен? Затаил гнев на эту грубость? Ничуть не бывало. Он не почувал под ногами земли от радости, принял слова хана за великую честь — как же, сам хан заговорил с ним!

За почетное знакомство
С покровителем таким
Буду я детьми уважен
И потомками любим.

Такие стихи не могли не будить мысли у читателей, не зарождал в их душах протеста против наивной доверчивости, раболепия, покорности. Но вместе с тем они вызвали негодование против самодурства, грубой силы, чудовищного подавления личности, презрения к человеку. Так в стихотворении проявляется второй, может быть, основной, план.

Раскрывая слабости обездоленного люда, Сеид Азим не мог оставаться равнодушным, в его словах чувствовалась боль сердца и смех его звучал сквозь слезы, как у Гоголя, как у Чехова, как у Шолом-Алейхема.

Но зато в критике верхушки общества, царских чиновников, священников, он не знал никакой пощады. И обращаясь к своей музе, он говорил:

О мой калям! Рисуй их точно,
Служи искусству своему,
Подобно скакуну, калям мой,
Бесстрашный сделай свой скачок!

Такой бесстрашный скачок сделала муза Сеида Азима в сатире «О ширванских беках», в которой обличительная сила поэта достигает своей вершины.

Я бы сказал, что название сатиры не полностью раскрывает ее содержание, и это сделано, по-видимому, намеренно. Ведь речь в ней идет не только о беках, в ней показаны все черные силы того времени. Под пером поэта сбрасывают свои маски и беки-тунеядцы, и муллы-обманщики, и приставы-взяточники, и бесчестные мировые судьи, которые, объединившись, пошли в наступление на бедный трудовой народ. Они идут на любые подлости ради своего обогащения. «Аллах забыт и стыд растоптан, и совесть отдана в залог». Они готовы грызться меж собой во время дележа, но последний кусок из рук обнищавшего народа вырывают совместно и дружно. Впрочем, им и этого мало. «Здесь, как кебаб, всех бедных жарят, и льется с них не жир, а кровь».

Картины, изображенные Сеидом Азимом в этой сатире, настолько чудовищны, что у читателя волосы шевелятся на голове, да и сам автор не может удержаться от горестного, шемящего сердце восклицания:

Ах, в пух и прах бы превратиться
Тебе, несчастный мой Ширван!
Одни ослы тобою правят,
Одна беда, один обман!

Время такое злое и жестокое, человек так сжат в тисках гнета, что и кричать не в состоянии. Потому что

Их много, этих тунеядцев:
Квартальный, пристав и казак.
Все норовят народ ограбить
И намертво зажать в кулак.
И многие бежали в горы,
Оставили родной очаг,
А некоторых посадили,
И доля их — тюремный мрак...

В этой сатире поэт наносит удары под самый корень насилия и произвола. Но где же выход из этого мрака? Тут-то и сталкиваемся мы с ограниченностью мировоззрения поэта.

В чем она заключается?

Азербайджанские просветители последней четверти прошлого века, в том числе и Сеид Азим, видели выход из мрака и насилия

главным образом в просвещении народа. Они искренне верили, что, если народ станет образованным, то гнет рухнет сам по себе и настанет пора общего благополучия. С такими мыслями мы часто встречаемся в просветительских произведениях Сеида Азима:

С каждым днем худосочнее мы, и жалка
Наша участь, в которой печаль и тоска.
Этой участи горе одно суждено —
От отсутствия знаний исходит оно.
Темнота и отсталость — наш давний недуг, —
Исцелить его может лекарство наук.

Ограниченность эта естественна, ибо в Азербайджане тогда были еще всемогущи феодально-патриархальные отношения, рабочий класс только формировался, революционная борьба была в самом зачатке.

И все-таки деятельность просветителей приносила народу видимые результаты, служила зарождению протеста и возбуждала в сердцах ненависть к существующему, порыв к лучшей жизни.

Мы сравнительно подробно разбирали социальные мотивы творчества Сеида Азима, ибо в них — главный пафос его творчества, сила его обличительной музыки.

Но в наследстве Сеида Азима большое место занимает и лирика, особенно газели. Он и здесь выступил как новатор, но, вместе с тем, кровно был связан со своим предшественником — «поэтом души» Физули. Влияние Физули на его газели очевидно. Однако, он и в газелях самобытен и своеобразен. В отличие от многих подражателей классическим образцам, Сеид Азим в газелях не смотрит на мир глазами страдальца, мучающегося от неразделенной любви и предпочитающего небесные блага всем земным. Газели его построены на живом жизненном материале. В них, как и в других произведениях, сильны антиклерикальные мотивы и обо всем потустороннем говорится, как о небылицах.

Сеид Азим подлинный поэт-гуманист. Любовь к человеку, страстная борьба за его счастье — вот что составляет основу его многогранной поэзии.

Эта черта его творчества не знала национальной ограниченности. В одном из наставлений, обращенных к молодому поколению, он говорил:

Не говори мне: он — гяур иль мусульманин он.
Лишь тот и человек, кто просвещен.

В другом месте он пишет еще более открыто: я не скажу — будь русским или мусульманином, суннитом или шиитом, будь кем хочешь, только будь человеком.

Мы уже говорили о том, что Сеид Азим гневно осуждал русское самодержавие — его чиновников-обдирал, царя, который держал под своим крылом жестоких беков. Но это не мешало поэту осознать мировое, прогрессивное значение культуры русского народа, не мешало ему видеть, какую огромную роль играла она в духовном развитии его родного народа.

Он овладел русским языком, изучал и пропагандировал русскую поэзию, засиживался по ночам над томиком Пушкина, влюбился в его стихи и посвятил ему стихотворение, которое мы читаем и поныне:

Звать его Пушкин. Он тайну гармоний постиг,
И сочинил он великое множество книг.
Стих загорается — блещет жемчужина в нем.
Будто евангелие — каждый написанный том...
Был он прославлен, при жизни имел он почет.
Умер поэт, а посмертная слава растет.

Примечательно, что цитируемое стихотворение является в азербайджанской литературе вторым, после восточной поэмы М. Ф. Ахундова, посвящением Пушкину.

Жизнь Сеида Азима была бурной. Каждый его день, каждый час были заполнены борьбой, диспутами, бессонной работой поэта, педагога. Его здоровье было подорвано. Беспокойное сердце поэта перестало биться в 1888 году, когда ему исполнилось лишь 53 года. До нас дошел рассказ о его трагической смерти. Организованная и науськанная его врагами — героями его сатир—толпа фанатиков растоптала больного поэта у выхода из мечети.

Перед самой смертью Сеид Азим написал:

Не верь, что умер я и что Сеида нет.
Раз голос мой живет, то значит жив поэт.

Эти слова высечены на его надгробном камне.

Поэт был прав. Он не умер. Он живет вместе с нами. Он по-прежнему волнует наши сердца. И слава его переходит от поколения к поколению.

Триптих
и
рассказы
в
стихах

О ТОМ, КАК ХАТЕМ² ҚОРМИЛ
ГОЛОДНЫХ

Был отчаянный год — недород, недоед,
И об этом в стихах рассказал нам поэт.
И хоть слог его красен и сладок всегда, —
В этой притче живут и печаль и беда.

Поздней ночью искал голодавший Хатем
Хоть бы хлеба кусок, но остался ни с чем.
В эту ночь дочка с сыном, жена, да и он,
Были голодны и уповали на сон.
Он лепешки пшеничные детям сулил,
Лишь бы сон их спокойным и радостным был.
Час пришел — и дремота утешила дом.
А Хатем размышлял, не ложась, об одном:
Он хотел, чтоб заснула с детьми и жена,
Этой призрачной, сладкой надежды полна.
И жена поняла его — сделала вид,
Что спокойно, Хатему поверивши, спит.
Окликал ее муж, заговаривал с ней,
Но дышала она все ровней и ровней.
Голод мучил ее, изнывала она,
А Хатем-то поверил: заснула жена.

Вдруг услышал он женщины крик за шатром:
— О, Хатем, помоги нам, не то мы умрем.

Голодны мои дети, погибнут они,
Нет ни хлеба у нас, ни богатой родни.
Говорят, ты на свете всех щедрых щедрей.
Помоги нам. Спаси. Не гони от дверей.
— Приведи-ка детей, — отвечает Хатем, —
Мы накормим детей, не проводим ни с чем.

Но, внезапно услышанным поражена,
Поднялась осторожно с постели жена.
— Если так ты отзывчив и щедр, и богат,
Почему ж твои дети голодными спят?
Приведет эта женщина малых своих —
Чем накормишь ты их, чем утетишь ты их?
Если б что-нибудь было в амбаре твоём,
Не кормили б детей мы обманом вдвоем.

Молча слушал Хатем, не поддерживал спор.
Дров принес, разложил за оградой костер
И зарезал коня задрожавшей рукой,
Чтобы сытость голодным вернуть и покой.
И сказал он жене:
— Я слуга твой и раб.
Встань и будь моим гостем и кушай кебаб,
И детей подними, приведи их, жена,
Чтобы жертвенный конь их насытил сполна.

Он пошел по домам, к восхвалениям глух,
Созывая голодных детей и старух.
Люди шли, люди ели, в застолье садясь,
И в платках уносили куски про запас.
Благодарность ко всем приходила под кров,
Все хвалили Хатема во веки веков.
И уж больше не стало голодных кругом,
Словно светлый байрам³ заглянул в каждый дом.
Только щедрый Хатем, чтобы всех накормить,
Ни кусочка себе не посмел отломить.

О Сеид! Если сам ты не жадной души,
Режь коня, щедрым будь и хвалу заслужи.

ДВА ПРИНЦА

Жили в Египте два брата, два принца.
Один из них к знаниям решил приобщиться,

Увлекся наукой, теряя покой.
Прельстился богатством и блеском другой.

Один просветился под скромною кровлей,
Другой преуспешно занялся торговлей.

Один стал ученым, другой — богачом,
Который себе не откажет ни в чем.

Один в непрестанных исканьях живет,
Другой же и вовсе не знает хлопот.

Однажды тот принц, что несметно богат,
Ученому принцу промолвил: — Мой брат,

Довольно наукой себя изводить,
Довольно в исканиях вечных бродить.

Хотя и достиг ты вершины наук —
Забот и хлопот не сужается круг.

Ну что тебе эта наука дала?
Взгляни, у меня-то успешней дела!

Ученый, разгневан, сказал ему так:
— Умом ты обижен, богатый дурак.

Я бога хвалю, я пылаю в огне:
Наследство пророка достанется мне.

Наукой своею я смертным помог,
А ты для них только источник тревог.

Пускай незаметен я, как муравей, —
Нет жала во мне! Я не жалил людей!

ШАХ И САДОВНИК

Шах на охоту выехал со свитой.
Скакун — как ветер, цокают копыта.
Безлюден путь за городом. Лишь старый
Садовник у дороги, под чинарой.
Конь вздыбился, увидев старика,
И сбросил на дорогу седока.
Шах разъярен, кричит феррашу⁴. — Эй,
Метни копье, садовника убей!
Взмолился тот:
— Зачем казнишь меня?
— Тебя увидев, я упал с коня,
Несчастье приносишь ты при встрече!
Садовник молвил:
— Так тебе отвечу,
Стыдись, о шах, ты прав, но лишь отчасти:
Тебя увидеть — большее несчастье.
Меня ты встретил — полетел с седла.
Тебя я встретил — смерть ко мне пришла!

НЕ ВСЯКОМУ ОТКРЫВАЙ СВОЕ ГОРЕ

Трудно в напасти пришлось человеку —
Влезть ли в петлю или кинуться в реку?
К счастью, попался знакомец один,
В сердце надежду его зародил.
— Слушай, — приятель сказал, — в этой местности
Есть человек удивительной честности.
Только и занят и день он, и ночь
Тем, чтоб несчастным в несчастье помочь.
Если о горе твоём он проведаёт,
Тотчас тебе он поможет как следует.
— Где ж он? И как он развеет беду?
— Хочешь, тебя я к нему проведу.

Взял бедняка он за слабую руку
И потащил к богачу, словно к другу.
Входят. Сидит человек у стены.
Руки опущены. Взгляды темны.
Губы подобраны. Брови насуплены,
Будто все скорби земные закуплены.
Тут же покинул бедняк этот дом
И не сказал богачу ни о чем.
Стал на беднягу приятель бросаться:
— Что же ты струсил в несчастье признаться?
— Нет, — отвечал он, — уволь, дорогой.
Пусть он сидит со своею тоской.

Можно ли горе доверить такому-то?
Мрачен, угрюм наподобие омута.
Станет брюзжать, от безделья томясь,
Станет тебя шлифовать, как алмаз.
Помощи жди от того, кто приветлив,
Он-то поможет — богат ли он, нет ли.

Помни, Сеид, и не ссорься с судьбой,
Чтоб не протягивать руку с мольбой.

СКУПЕЦ

Шутник сказал скупцу:

— Я видел сон.

Скажи «к добру»!

— К добру да будет он!

А что за сон? Открой, коль не секрет.

— Во сне я ел твой хлеб и твой обед.

— Как! — побледнел скупец. — О, горе мне!...

Придя домой, он дал развод жене.

Кази⁵, узнав о том, спросил:

— Скажи,

Зачем прогнал жену?

— Святой кази,

За ней большая числится вина.

Такая ж мне, как я, нужна жена:

Пусть прячет хлеб, чтобы чужой едок

Во сне — и то найти его не мог!

СТАРУХА И ЕЕ СЫН

Коварней беса и хитрее,
Жила одна старуха в Рее⁶,
В лавчонке солью торговала,
Обвешивала, воровала.
Она — само исчадье зла —
Причиной козней всех была.

Был у нее сынок-красавец,
Рос, розам солнечным на зависть.
Однажды этот непоседа
Взял яблоко в саду соседа.
Он и не думал воровать,
Но воровать велела мать.

Итак, воришкой стал он скоро,
Затем он стал прожженным вором,
Кутилой, мотом, а потом
Стал страшной шайки главарем.

Его, поймав на темном деле,
Велели бросить в подземелье.
Потом — к позорному столбу.
Стоял он, закусив губу.
Стал шаха слезно умолять,
Чтобы к нему пустили мать.

Пришла к нему старуха — ей
Сказал он о беде своей,
— Хочу, — сказал, — в предсмертный миг
Поцеловать твой рот, твой лик!
И ртом ко рту ее приник —
Старухе откусил язык!

Поднялся крик — аж звон в ушах.
— Злодейство! — возмутился шах.
Но вор сказал:
— О шах, пойми,
Я стал последним меж людьми,
Но если бы торговка-мать
Мне не велела воровать,
И если бы в самом начале
Меня за это наказали, —
Я б вором не был никогда!
В ней, в матери, моя беда.
И я от честных дел отвык.
Уж коль меня ее язык
Не научил добро любить, —
Не грех его и откусить!

— Ты прав, — шах молвил, — нету спора.
И пожалел он очень вора.
Все доводы решил он взвесить
И не его — ее повесить!

ПРОРОК

Жил в некотором царстве лжепророк.
Он доброе предсказывать не мог.
Однажды попросил его бедняк:
— Я еду ко святым местам, в Ирак,
Молитву за меня твори, гаджи,
Напутствуй, слово доброе скажи.
За это, коль здоровым я вернусь,
Тебе отдам папаху и бурнус,
От всей души скажу тебе: «бери!».
— Ты это все сейчас мне подари, —
Пророк ответил, — что с тебя возьмешь,
Когда в дороге, может быть, помрешь!

ВОПРОС ШАХА

У шаха пир: обсасывают кости
И пьют вино изысканные гости.
— Пусть встанет тот, — воскликнул он, хмельной,—
Кто недоволен собственной женой!
Немедленно вскочили все. И лишь
Один не встал.
— Хвала тебе! Сидишь —
Доволен, значит, ты женою?..
— Ах, —
Промолвил тот, — прости, мой добрый шах,
Я не могу подняться, — видят боги, —
Жена мне палкой перебила ноги...

ШАХ И ПЕДАГОГ

Жил педагог, мудрец, знаток,
В науках разных знавший толк.
Он сыновей своих учил,
Ко многим знаниям приобщил.
Прославился он меж людьми,
И шах велел ему:
— Возьми
В ученье сына моего,
Наукам обучи его.
Вручаю я тебе, ученый,
Жемчужину моей короны,
Ты по-отечески его
Учи, как сына своего!

Решил ученый согласиться.
Но сын у шаха был тупица.
Ученый лез из кожи вон,
Но что тут мог поделывать он?
Учил он собственных детей,
Глядишь — и каждый грамотей.
Учил он принца много лет —
А толку не было и нет!

Когда узнал об этом шах,
То вспыхнул гнев в его глазах:
— Послушай, эй, знаток наук,

Мне изменить решился вдруг
Ты, обещанье не сдержав?
Казню тебя — и буду прав!
Но не смутился педагог
И так ответил:
— Видит бог,
Старался я, но, как назло,
Не всем в таланте повезло:
Тот беден им, а тот — богат.
Учитель тут не виноват.
Рубин порода бережет,
Но много есть пустых пород.
Свой век украсил Сухейли⁷ —
И пестрые цвета земли
Его заимствовали свет!
У каждого есть свой расцвет,
Своя природа, свой устав.
В движенье жизни — каждый нрав
Раскроется в конце концов.
И колос среди солончаков
Не зашумит, не зазвенит...

Не утруждай себя, Сеид,
И знай, что каждый человек,
Творящий зло или добро,
Раскроет за короткий век
Свою изнанку и нутро!

КРЕСТЬЯНИН И ХАН

Шел бедняга-бедолага
По проселочной дороге
И, неожиданно,
Встретив хана,
Повалился хану в ноги.
Но в ответ
На привет
Крикнул хан:
— Прочь, кабан,
Уходи с дороги, пес!

Этой милостью бедняга
Был растроган аж до слез.
Он домой, в избытке счастья,
Прибежал, не чуя ног.
И жена его спросила:
— Что с тобою, муженек?
Время ты провел недурно!
Почему, открой секрет,
Наподобие Сатурна
От тебя струится свет,
Как луна ты озаряешь
Золотое поле ржи.
Почему ты так сияешь,
Умоляю, расскажи!

Муж счастливый ей ответил:
— Я в дороге хана встретил
И отдал ему поклон, —
Говорил со мною он!

— Как! С тобою? О, счастливец!
Что же хан тебе сказал?

Закружился бедолага,
Заплясал, затанцевал:
— Мне в ответ
На привет
Крикнул хан:
«Прочь, кабан,
Уходи с дороги, пес!».
С добрым ханом,
А не с хамом
Говорить мне довелось.

За почетное знакомство
С покровителем таким
Буду я детьми уважен
И потомками любим!

СОН САНДЖАНСКОГО ШАХА

Приснилось санджанскому⁸ шаху,
Что всех он лишился зубов.
Проснувшись, он, бледный от страха,
Позвал толкователя снов.
Тот, выслушав шаха, ответил,
Что сон этот был не к добру.
И он означает, что дети —
Наследники шаха — умрут.

— Ты прав! — шах промолвил сурово.
Казнил толкователя он
И тотчас провидца второго
Призвал растолковывать сон.

Тот начал:
— О шах величавый,
Господь, этот сон тебе дав,
Продлил твои годы и славу. —
И тот улыбнулся: — Ты прав!

И он одарил его лаской,
И щедро его наградил.
Но кто-то из свиты из шахской
У шаха, робея, спросил:

— О шах всемогущий, не в силе
Мы, право, понять ничего:
Коль оба правы они были,
За что ты казнил одного?

— Постигло его наказание
За то, что груба его речь:
Не мог острие толкованья
Он в мягкую форму облечь.

ДВА МНЕНИЯ

Торговец потерял свой кошелек.
Была среда. Он тут же занемог.
— О, что за день, утраты горький знак,
Не день, а горе, не среда, а мрак!
Так он рыдал и сетовал, однако,
Тот кошелек нашел один гуляка,
Нашел и просиял: — Какой денек!
Побольше мне таких послал бы бог.
Кто говорит: среда нехороша?
Я стал богат, а не было гроша.
Новруз-байрам⁹, и тот, на самом деле,
Скупее, чем обычный день недели!

АСКЕТ И ЧЕРЕП

На берегу реки
Аскет молился богу —
Просил, чтоб в рай аллах
Открыл ему дорогу.
И вдруг увидел он,
Что среди волн, ощерясь,
Вниз по реке плывя,
О камни бьется череп.

У черепа спросил
Аскет, тая тревогу:
— О череп, кем ты был?
— Аскет, любимец бога,
Я в мире шахом был —
Такое было время —
На голове моей
Сверкала диадема.
Я в мире шахом был,
Моя гремела слава.
Вельможи предо мной
Склоняли низко главы.
Имел казну и трон,
Мне подчинялись страны,
Во все края гонцы
Везли мои фирманы,
В моем дворце вино

Лилось рекой лучисто.
Мне услаждали слух
Игрою кеманчисты.
Все ночи напролет
Служил мне виночерпий...

Теперь — всему конет:
Меня сожрали черви.
Я в землю был зарыт,
Но хлынули потоки —
И белый череп мой
Влечет поток жестокий...

ПРИТЧА

Один визирь богат почетом был,
И мудрецом, и звездочетом был.
Однажды шаху молвил он: — Внемли
Слуге, владыка неба и земли!
Мне звезды предсказали, что подряд
Три дня и ночи будет снегопад.
И этот снег, соединясь с водой,
Всем подданным твоим грозит бедой:
Немедля разум потеряет тот,
Кто эту воду только в рот возьмет.
Чтоб нам от сумасшествия спастись,
Водой должны мы чистой запастись.
Народ смутится разумом, а мы
Свет сохраним среди всеобщей тьмы!

Шах выслушал его, отдал приказ
Набрать воды чистой про запас.
А через день во всем краю, везде
Посыпал снег, растаявший в воде.
Ту воду выпив, жители страны
Тотчас рассудка были лишены.
У всех безумья приступы остры —
Шах и визирь по-прежнему мудры.
Забегали безумцы нагишом.
Безумец бьет безумца палашом.
Ломают, ржут, пугаются, кричат.

Весь край объял безумья черный чад.
Тот воеет, этот блеет, как овца,
Не отличить глупца от мудреца.
Безумному сказал один дурак:
— Шах и визирь ведут себя не так!
И поднялся неслыханный галдеж:
— На нас ни тот, ни этот не похож.
Шах, значит, спятил. Государству — крах.
Долой его! Нам нужен умный шах!

И собралась великая толпа.
Яресь, тысячеликая толпа
Неистово рванулась во дворец.
Увидел шах: пришел ему конец.
Сказал визирю: — Дай мне чашу с той
Небесной сумасшедшею водой!

Два умника испили воду ту.
И тотчас погрузились в темноту
Безумия, одежду разодрав.
Шах вертит тонкой шеей, как жираф,
Визирь кого-то рубит палашом,
Бегут среди безумцев нагишом,
Дерутся, сквернословят и орут...
И закричали все безумцы тут:
— Хвала аллаху! Видит целый мир:
Шах поумнел. И поумнел визирь!..
... В том мудрость жизни, свет очей моих,
Чтоб не чуждаться родичей своих.
Блеск янтаря — пещера бережет.
Несчастливого — к несчастному влечет.
Ученый убегает от глупца.
Глупец не понимает мудреца.

МЕДЖНУН И СОБАКА ЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Меджнуна встречали прохожие —
Он плакал, горел, тосковал,
Дворнягу с отвислою кожею
Он гладил, в глаза целовал:
— О страж моей дальней красавицы,
Мой друг, твоя доля щедра:
Ты лапами почвы касаешься
Ее золотого двора.
Да буду хранителем глаз твоих —
Они созерцают Лейли.
И голос звучит мне твой ласковый,
И я пред тобою в пыли!
Шерсть пахнет нежнейшею амброю,
Клыки словно жемчуг иль снег.
Собака Асхабова¹⁰ храбрая
С тобой не сравнится вовек!..

— Безумец! — прохожие крикнули. —
Довольно рыдать и дрожать.
Как можешь ты пса возвеличивать
И тяжко себя унижать?
Залилось лицо его краскою,
И вырвался дым изо рта:
— Мне эта собака прекрасная
Двуногих милей неспроста —
Лейли она служит защитой.

Лежит у заветных ворот,
У ног ее милых лежит она —
И сердце мое бережет!

О если б местечком нечаянно
Мы с ней обменяться могли...
Служителем преданным стану я
Любому, кто предан Лейли!

ТКАЧ

Пришлось однажды бедному ткачу
Для шаха ткать узорную парчу.
И день и ночь не разгибал спины,
Узоры были дивны и нежны.
Не пожалел труда он своего
И выткал не парчу, а волшебство.
Шах, изумлен, смотрел на эту ткань,
Подарку отдал восхищенья дань,
Сказал визирю:
— Я узнать хочу,
На что бы мне употребить парчу.
Визирь ответил:
— Светоч всей страны,
Сшей из парчи рубаху и штаны.
Второй вельможа подсказать был рад:
— Великий шах, сшей из парчи халат.
Другой сановник речь повел к тому,
Что из парчи бы надо сшить чалму.
И так проспори́л целый день меджлис,
И многие во мненьях разошлись.
Шах порешил у мастера спросить:
— Как скажет мастер, так тому и быть!
Ткач так сказал:
— Я свой исполнил долг.
Великий шах, храни ты этот шелк

До дня, когда ты дух испустишь, чтоб
Парча покрыла твой роскошный гроб!

Взъярился шах, позвал он палача,
Велел повесить дерзкого ткача...

ИСКЕНДЕР И СУМАСШЕДШИЙ

До сих пор молва идет, что встарь
Мудрый Искендер¹¹, великий царь
Встретил сумасшедшего в пути
И к нему решился подойти.

Был безумец страшен, дик и наг.
Искендер сказал безумцу так:
— Мне подвластна не одна страна,
Четверть мира мне подчинена,
Все могу я сделать, что хочу,
Мне любая просьба по плечу.
Что захочешь — то получишь в дар!

Сумасшедший крикнул:

— Государы!

Прикажи, чтобы не стало мух.

Я от мух проклятых весь опух.

Повели другой избрать им путь.

— Попроси другое что-нибудь.

Сумасшедший засмеялся: — Ха!

Шах, как видно, власть твоя плоха —

Приказать не можешь, чтоб хоть раз

Выполнили мухи твой приказ.

Чем ты можешь радовать людей,
Если этих слабых мух слабей?!..

ДВА ВРАЧА

Два греческих врача во время оно
Поспорили друг с другом иступленно
О тайнах бытия, стихийных сил.
При этом каждый спорщик голосил.
Один приводит самый веский довод,
Другой не хуже довод приготовит.
Один находит доказательств тьму,
Другой считает: это ни к чему.
Тянулся спор, поистине жесток —
Один другого убедить не смог.
Была та битва очень горяча.
Решили оба спорщика-врача,
Что каждый, свой отстаивая взгляд,
Другому приготовит некий яд,
Чтобы узнать при помощи питья,
Кто лучше знает тайны бытия.
Кто, выпив яд, отраву из отрав,
Останется живым — тот, значит, прав.
Один из них наполнил ядом чашу,
Другой... с шербетом ставит рядом чашу.
И смело пил один без цвета яд,
Не думая о том, что это яд.
Не побоясь отравленной воды,
В живых остался, избежал беды.

Другой бледнеет, ужасом объят:
«Как я — ему, мне тоже дал он яд!»
Дрожа, шербет со страхом пригубил,
Упал: не яд, а страх его убил!

О ЧЕЛОВЕКЕ, ПОТЕРЯВШЕМ ИШАКА

Потерял ишака простофиля
И остался в пути, как без рук.
Слава богу, другой отыскался,
На другого пристроил свой тюк.
И подумал:
«Да вот он, мой ослик».
Но хозяин внезапно пришел,
Сбросил тюк и сказал простофиле:
— Сам ты, братец, я вижу, осел...

Простофиля — вослед, будто вправду
Был ограблен среди белого дня,
И кричал:
— Задержите бандита.
Он увел ишака у меня.

Сколько было проезжих, прохожих —
Всполошились, сбежались на крик.
— А скажи-ка, осла иль ослицу
Ты имел, досточтимый старик? —
И под смех соглядатаев шумных,
Над беднягой остривших без зла,
Он ответил:
— Как всякий достойный,
Я имел, безусловно, осла.
— Но ведь это ослица, приятель.

— Это дело творца, — был ответ, —
Он осла может сделать ослицей,
Для меня ж в этом разницы нет...

О Сеид! Мало ль глупых на свете?
Каждый, видно, решил: он — мудрец.
Ты — из них. Если понял ты это,
То за это одно молодец.

Каждый глупый решает: всевышний
Свет творил и рассеивал тьму
Для него одного. И планета
Отдана лишь ему одному.

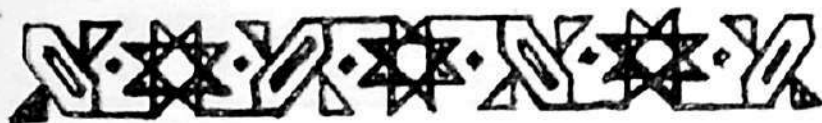
САТАНА

Пастух однажды встретился с муллой
И преградил ему дорогу, злой,
Дубину поднял, крикнул:
— Супостат,
Во множестве смертей ты виноват,
Ты рад, проклятый, если люди мрут:
Мертвец в дому — мулла уж тут как тут!
Сам сатана душе моей велит,
Чтоб этою дубиной был ты бит!

Мулла взмолился:
— Сын мой, горе мне!
Ну, разве можно верить сатане?
Адама он подвел — и гневный бог
Закрыв Адаму райский свой чертог.
Не слушайся советов сатаны:
Ведь люди лишь добро творить должны!

В ответ сказал с усмешкою пастух:
— Мулла! Мне повелел нечистый дух
Отдать тебе в подарок двух ягнят!
— Ах! — тот воскликнул, — слышать это рад!
Как я сказал, твори добро для всех:
Порой послушать сатану — не грех!

Сеид, хоть сам ты меж людьми — мулла,
Себя, как тот, ты не срами, мулла,
Не крохоборствуй, меру знай и честь,
Усвой мораль, что в этой притче есть!

МУДРЫЙ СОВЕТ

Сел правитель рядом с мудрецом:
— Говорю с тобою как с отцом.
Что мне делать, как себя вести,
Что мне может пользу принести?
И сказал ученый:
— Властелин,
У меня совет тебе один.
Людам легче, если дольше спит
Тот, кто зло согражданам сулит.
Чтоб жилось полегче, — ты терпи
И побольше спи. Побольше спи.

ШУТКА ШАХА

Поехал шах охотиться с утра.
В тот день стояла сильная жара.
Шах скинул с плеч тяжелый архалук
И с маху бросил одному из слуг,
Велел сынка-наследника нести.
Слуге, конечно, нелегко в пути.
Несет он ношу, весь от пота взмок.
А шах прозрачный отпустил намек,
Смеясь, слуге сказал он в шутку так:
— Эй, бедный, ты нагружен, как ишак!

Слуга был парень пряткий, словно бес,
В карман за словом никогда не лез.
Сказал:
— И впрямь мой груз — ослиный, шах,
К тому ж еще осленок на руках!..

Мой сын, подальше от имущих власть!
Легко у них возвыситься и пасть.
Изменчивы властители, увы,
То шутят, то рычат они как львы,
То нанесут твоим друзьям удар,
То принесут врагам неожиданный дар.

Опасны падишах, лев и поэт:
Их избегай, — во избежанье бед.

Все трое чванны, гонор их велик,
А самомнение — будто снежный пик.
Уж если есть печаль в твоей судьбе, —
Общайся только с равными себе.
Чтоб многих неприятностей не знать —
Не лезь, сынок, не пробивайся в знать.
Бывало, с нею я дружил — и вот
Не оберусь и горя, и хлопот!

О ТОМ, КАК БАГДАДЕЦ СДАВАЛ ДЕНЬГИ НА ХРАНЕНИЕ

Пришел с челобитной к Мамуну¹² бедняк,
Склонился пред ним и сказал ему так:
— Все сто золотых, трудом нажитых,
Хранил у кази я, ведь он из святых.
А нынче пришел я к нему среди дня,
Но он заявил, что не знает меня,
Видать-не видал и не знает меня.

Сказал повелитель:
— Ступай-ка ты спать,
А утром к кази постучишься опять.
Его, я уверен, замучает стыд,
Не бойся, он деньги тебе возвратит.
А если откажет, не даст ничего, —
Ко мне приходи, я отдам за него.

Был ночью халифом кази приглашен.
На яства уставился с жадностью он.
Но тут, бескорыстьем кази озарив,
К нему повернулся почтенный халиф.

— К тебе орбащаются люди в мольбе,
Как купол, блистает чалма на тебе.
Слова твои — божьи слова, а твой дом
Мы, все правоверные, Туром¹³ зовем.

Чалма твоя тянется млечным путем
И четки, как звезды, сверкают на нем.
А пыль от твоих башмаков золотых
Сурьмой для людей да послужит простым.
Ты — божий дракон,
Ты — аллаха посол,
Для счастья людей ты на землю сошел.
Из самых достойных — достойнее всех.
Не веришь тебе — почитаю за грех.
На свете живут и другие кази,
Но ты — в небесах, а другие — в грязи.
Я много провел в размышлениях дней,
Но нет, не нашел человека честней.
И вот к доброте я взываю твоей:
Не примешь ли золота сто кошель?
Коль будешь участлив ты к нашей судьбе,
Я утром их дам на хранение тебе.
Припрячь их подальше от взглядов чужих,
Аллах да поможет хранить тебе их.
Ведь жизнь коротка и подобна ветрам.
Быть может, фортуна изменит и нам,
И трон аббасидов¹⁴ исчезнет в веках,
И наше богатство развеется в прах.
Тогда ты, быть может, сумеешь сыскать
Потомков халифа и деньги им дать.
Не все, а хоть часть, а хоть малую часть,
Лишь только бы им в нищете не пропасть.

Прослушал кази эту льстивую речь,
От радости щеки горели как печь.
«Ха-ха! Повелитель-то наш дурачок.
Он сам, без приманки, идет на крючок.
Как рыбку, я золото это схвачу,
Пусть верит, что свято беречь я хочу».

С трудом вожделенье свое подавив,
Он молвил:
— Ты мудр, дальновиден, халиф.

Я трижды и трижды хвалу воздаю
За честность твою и за ласку твою.
Наверное, ангел святой, а не бес
Доставил тебе эти мысли с небес.
Ну что ж, присылай свои сто кошельей,
Я их сберегу до скончания дней.

Поднялся кази, от восторга чумной,
И чуть не бегом возвратился домой.
Всю ночь до утра не ложился кази
И думал, что дело его на мази.
Терзал он молитвою утренней рот
В надежде, что утро скорее придет.
Метался и руки свои потирал,
Покуда терпенье совсем потерял.
И вот наконец-то над ним рассвело
И золото солнца с небес потекло.
Он тотчас подумал о золоте том,
Какое доставят сейчас в его дом.
Но вместо халифа крестьянин к дверям.
Кази возглашает:
— Алейкессалам!

Куда же девался ты, милый земляк,
С деньгами нельзя поступать абы как.
Хоть я не касаюсь чужих золотых,
Но, может, большая нужда тебе в них?
Эй, кто там! Скорей кошелек мне подать,
Нельзя заставлять мусульманина ждать.

Прислужник приносит кошель с бахромой,
Крестьянин берет и уходит домой.
Но как же расстался кази с кошельком?
Ведь он не любитель прощаться с добром.
Он струсил, что слух до халифа дойдет
И тот золотые ему не пришлет.
Меж тем наш крестьянин, творца восхвалив,
К халифу пошел.
— Ты — спаситель, халиф...

А тот наряжает с усмешкой гонца:
— Ступай и поздравь от меня хитреца.
Позарился он на большой капитал,
А малый, чудак-человек, потерял.
Кази, в ожидании ста кошельей,
Один упустил из кубышки своей.
Пусть помнит: кто хочет чужое прибрать.
Тот часто свое обречен потерять.
Как только услышал он эти слова,
Так кругом пошла у кази голова.

ВСЕ РАВНО ПРИДЕТ СЮДА

У бедняка украл папаху вор
И тут же скрылся, и пропал с тех пор.
На кладбище пошел бедняк, и там
Воззвал молитвой скорбной к небесам.

— Зачем ты здесь? — спросил его народ. —
Сюда твоя папаха не придет.
Ты даром стонешь, даром слезы льешь,
Свою пропажу здесь ты не найдешь.
Чем плакаться, что твой удел тяжел,
Пошел бы да обидчика нашел.

— Нет, буду ждать, — сказал он, — решено.
На кладбище придет он все равно.

АСКЕТ-ЧРЕВОУГОДНИК

Жил да был аскет-чревоугодник,
Не был он ни женолюб, ни сводник,
Отвергал и женщин, и кружала,
Верил только в вышний мир и небо,
Что ему, однако, не мешало
В истребленье благ земных и хлеба.
Сядет в ночь он, не подвержен страхам,
Родственно беседовать с аллахом,
Незаметно за ночь, если взвесить,
Хлеба истребит батманов десять.
Столько нарастил на теле сала,
Что в него и мудрость не влезала.

И сказал ему один прохожий:
— На людей ты вовсе не похожий.
Больше спал бы, да поменьше ел бы, —
Лучше ты в премудростях успел бы.
И к тому ж, отяжелев от хлеба,
Вряд ли ты поднимешься на небо!

БАГДАДСКИЙ ХАЛИФ И БАХЛУЛ

Охотившийся Аль-Рашид Гарун¹⁵
Раскинул лагерь у прибрежных дюн.
Со свитою охотник венценосный
Смотрел, как вал бушует в пене грозной.
И вдруг заметил он издалека:
Из волн торчит огромная рука —
И намертво в кулак зажаты пальцы.
Вслух стали царедворцы изумляться:
— Кулак средь моря!
— Как он вырос здесь?
— Загадка!
— Тайна!
— Чудо из чудес!
Из ружей стала бить по цели свита,
Но — нет, загадочная длань не сбита,
Лишь стал сердитей моря грозный гул.
Тогда и порешили, чтоб Бахлул¹⁶ —
Юродивый, дервиш, известный свету —
Пришел и отгадал загадку эту.
Послали за Бахлулом. Тот, спеша,
Взобрался на конька из камыша.
И, гогоча, погнал свою лошадку.
Когда его спросили про загадку,
Бахлул, не отвечая на вопрос,
Поднял два пальца, их раздвинул врозь.
И — чудо! — та рука рванулась вглубь.

Крик вырвался тотчас из многих губ,
Заполнил берег изумленья гул.
Тогда Гарун сказал:
— Мудрец Бахлул,
В чем дело, отвечай, о знаний кладезь! —
Ты пальцами своими подал знак —
И тот кулак исчез...
— Не удивляйся,
Великий шах, тебе ответчу так:
Кулак в воде нам говорит, владыка,
Что пальцы, крепко сжатые, сильны —
Такой руке под силу труд великий:
Она легко решит исход войны.
Два пальца показал руке я той,
И в этом смысл таится не простой:
Что пальцы! Вместе их легко сложить.
Попробуй две души соединить!

ЛИЦЕМЕРНЫЙ АСКЕТ

Очень набожный фарс делал вид,
Что по суткам он молится честно.
Все сидит взаперти и молчит,
А уж молится ль он — неизвестно.
Сам султан, услышавши про это,
Пригласил к себе как-то аскета.
Тот подумал:

«Мой час наступил!
Чтоб на пользу пошло приглашенье,
Должен видеть султан: изнурил
Я себя в ежедневном моленье.
Стал я тощ, обессилел я очень,
От бессонных ночей худосочен.
Значит, снадобье надо найти,
Чтобы вовсе я слабым казался,
Чтобы еле тащился в пути...».

Но, признаться, старик просчитался.
Только склянку пригубил аскет —
И на тот переправился свет.

О Сеид! Ты не будь лицемером, —
Да не станет святоша примером.
Как фисташка, не прячь ты нутра,
Не скрывайся, как лук, под одеждой.
Кто для виду в мечети с утра,

Тот душошкой окажется грешной.
Ты ко лжи, как аскет, не тянись.
Будь в деяниях чистый и смелый.
Если хочешь молиться — молись,
А не хочешь, так виду не делай.
Если чист пред людьми и аллахом,
То душа не наполнится страхом.

ОМИРАС

Жил в Греции философ Омипас¹⁷.
О нем и поведем мы свой рассказ.
Всеобщего достиг он уваженья,
Был мастером наук, стихосложенья.
Один мужлан, стеснение отбросив,
Сказал ему: — О ты, поэт-философ,
Твоих не удостоюсь я похвал —
Ты обо мне пасквиль бы написал!
Всего четыре строчки — и на зависть
Приятелям — насмешкой той прославлюсь!

Был этой странной просьбой Омипас.
Смущен. Проситель получил отказ.
Обиженный, он так сказал поэту:
— Поэт, пуцу молву по белу свету,
Скажу, что бог словесности изящной
Мне в этой просьбе отказал пустяшной,
Смеяться надо мною убоясь...

Не в шутку разозлился Омипас,
Он вспыхнул и ответил наглецу:
— Тебе совсем иная речь к лицу.
Скажи своим приятелям в забаву,
Что лев не терпит запаха собак —
Противно льву терзать тебя, собаку,
А то, что лев отважен, — знает всяк!

Захохотал проситель: — Будь здоров,
Спасибо, о поэт, за пару слов.
Пускай тебе господь прибавит сил:
Ты подарил мне то, что я просил!

РАССКАЗ О СЕЛИМЕ

Индус-крестьянин в мирный час обеда
Разжиться табачком зашел к соседу.
Тот чуть не весь опорожнил кисет
И отдал бедняку:
— Кури, сосед!
Селим домой вернулся, сел за стол
И в табаке монету вдруг нашел.
Наутро, в самый ранний час рассвета
Он вновь стучался у дверей соседа.
— Прости меня за посещение это,
Но в табаке твоём была монета.
Я ж у тебя монет-то не просил...
— Ну что ж, — сказал сосед, — что не просил,
Табак ведь твой. Раз в нём была монета, —
Тебе принадлежит находка эта.

Услышав речь соседа, наш бедняк
Сомкнул ладони и ответил так:
— В моей лачуге за печной трубой
Живут два духа — добрый дух и злой.
Один из них внушал мне до рассвета:
«Верни монету, не твоя монета».
Другой гудел во тьме на всю окрестность:
«К чему твои порядочность и честность?
Кто потерял — скажи прости-прощай.
Ты ни за что её не возвращай».

Самим аллахом послана она.
Чем отдавать, — купи себе вина...»
Всю ночь не спал я. И порой ночью
Два этих духа спорили со мною.
Но добрый голос одержал победу,
И я пришел с монетою к соседу.

Его рассказом покорен, сосед
Ему отсыпал щедро горсть монет.

Сеид! Не бойся правды. В правде — сила.
Она всем людям счастье приносила.

ЧТО СКАЗАТЬ...

Ах, не к чему дружить с глупцом, Сеид,
Не то тебя он в дурня превратит.
Твердят нам мудрецы из века в век:
Общайся с человеком, человек!
Но и простак согласен, и мудрец:
Кто дружит с дурнем, тот и сам глупец.
Какой с него потребуешь отчет?
Дурак без толку разевает рот.
Заговоришь о небе невзначай —
«О, небо!» — повторит, как попугай.
Вот притча про такого дурака —
Она мила, хотя и коротка:

Один эмир¹⁸, весь в золоте, в шелку,
Держал в доме наемного слугу.
Был тот слуга тупица и дурак.
Ему эмир сказал однажды так:
— Послушай, если гость ко мне придет,
Встречай его с почетом у ворот.
«Хозяин дома?» — спросит. — Скажешь: «Нет».
Ты понял?

А слуга ему в ответ:
— Я это понял. Не пойму зато,
Что мне сказать, коль не придет никто?..

ДОБРО НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Если скуп человек,
Если в сердце добра его нет,
Лучше сразу, без муки
Покинуть ему белый свет.
Я твержу много лет:
Не в упрямстве, не в зле красота,
Только в сердце открытом
Живет на земле красота.
Престарелый мудрец,
Соловей наших душ — Саади¹⁹
Рассказал нам об этом,
Ты в строки поэта войди:

«Шел навстречу мне юноша,
Весело шел мне навстречу,
И заметил я сильные руки,
Хорошие плечи.
Он спешил, подымая
Дорожную пыль за собой,
И барашек едва попевал за ним
Мелкой рысцой.
Я сказал ему: — Слушай, приятель,
А агнец-то твой,
Он бежит за веревкой,
А вовсе ведь не за тобой.

Не ответил мне юноша
Снял он веревку и, право,
Стал кружиться по полю,
То влево метнется, то вправо.
И барашек за ним,
Прямо тычется юноше в ноги,
Тот вперед — он вперед,
Тот назад — он назад по дороге.
И сказал этот парень:
— О славный мудрец Саади,
Не веревкой влеком мой барашек,
Ты сам погляди.
Просто видел он сызмала
Только добро от меня,
В зной прохладу вкушал он
И грелся в мороз у огня.
Я всегда его лакомил,
Что и баран понимает,
И привязанностью
На добро он мое отвечает.
Если я его брошу,
Иль в руки чужие отдам,
Верно, сдохнет барашек
В печали по добрым рукам».

О Сеид! Не забудь:
Так живут все народы земли.
Даже звери, поверив в добро,
К человеку пришли.

НИЩИЙ И СКУПЕЦ

Жил-был купец, хапуга и скупец.
К нему бедняк из некоего края
Пришел, сказал:
— О, помоги, отец,
Нужда меня гнетет, не отпуская.
Скупец ответил:
— Что же, я могу...
Я помогу, но при одном условии —
Его ты примешь — дам тебе деньгу!
— О господин, исполнить все готов я.
Все сделаю, что ты мне повелишь,
На все уже согласен я заране.
Я честен, хоть и беден как дервиш.
Могу тебе поклясться на коране.
Купец сказал, прижав ладонь к груди:
— Проситель мой, я просьбу объявляю:
Ты с просьбами ко мне не приходи,
А в остальном — всех благ тебе желаю!

О СОЛОВЬЕ И СЫНЕ АЗУД-УД-ДОВЛЕ²⁰

Сын Азуда хворал и хворал, и хворал.
Что с ним делать — отец не знал.
И поведал тогда приживальщик святой:
— Надо выпустить птиц до одной
Всех—что в клетках и залах, и в ловчих сетях,—
И помилует нас милосердный аллах. —
А какие там птицы в дворцах? — Соловьи.
Так летите на волю, певцы вы мои.

Но один соловей был уж так ли певуч,
Был к сердцам у него человеческим ключ,
И остался он в клетке, вдали от куртин,
И метался он в клетке один.

А когда поднялся сын Азуд-уд-довле
И узнал о певце, что томится во мгле,
Он сказал:
— В том, что в клетке остался ты, брат,
Только голос твой сладкий один виноват.
Если б пел ты поплоче, да был помрачней,
Не томился б, наверное, в клетке своей.
И у нас, у людей, так бывает всегда:
За свои ж языки к нам приходит беда.
Не скажу: «онемей и молчи, пока жив».
Но, начав говорить, будь с умом говорлив.

Ведь не зря Саади нам поведал слова:
«Пожелав говорить, ты подумай сперва.
Дума — это опора, а слово — стена.
Речь на твердой опоре держаться должна».

МОЛИТВА

Один дервиш был набожен и свят,
Молитвами он потрясал Багдад.
Что б он у бога ни просил — не мог
Отказывать в смиренной просьбе бог.
И деспот-шах сказал ему: — Дервиш,
Быть может, ты молитву сотворишь,
Прося у бога благо, а не гнев?
Тот начал, руки к небесам воздев:
— Прошу я благодати, о господь,
Чтоб бездыханной стала шаха плоть,
Пускай его душа кипит в огне!
— Зачем, дервиш, желаешь смерти мне?
Зачем в святой молитве ты жесток?
— Твоя погибель — благо, видит бог,
Помрешь — настанет счастье для людей:
Не будет больше зло творить злодей,
Не будет мучить бедный свой народ,
И меньше станет на земле невзгод.
Ты в жизни за грехом свершаешь грех.
Твоя кончина — благодать для всех!

О ЛОГМАНЕ, ПРОДАННОМ В РАБСТВО

Логман²¹, по утверждению иностранцев,
Из абиссинцев был или суданцев.
Но поворот дала такой судьба,
Что продали Логмана как раба.
Да, братья изменили слову «братство»
И подло продали Логмана в рабство.
А что купцу? Он видит — раб как раб.
Купил его. К тому же раб не слаб.
А был он смуглым, с сочными губами,
И самым умным слыл между рабами.
Купец узнал: раб памятлив, учен,
Своим слугой Логмана сделал он.
Однажды он сказал, для испытанья,
Что требует нежнейшего питанья.
Пусть блюда будут сладкими как мед,
И легкими, — тогда он их возьмет.

Логман премудрый — коротко ли, долго —
Все приготовил по веленью долга.
Он заколол ягненка, и язык
Зажарил так, как дома есть привык.
Язык был сладок — от огня, от сока ль,
Хозяин ел, хвалил, губами чмокал.
А через день хозяин дал приказ:
Пусть пища горькой будет в этот раз.
Логман забил ягненка, и язык

Зажарил так, как дома есть привык.
Так задан был загад.
А смысл загада
Всегда раскрыть, всегда постигнуть надо.
Но был разочарован господин:
На две задачи дан ответ один.
Хотя в речах раба полно сиропа,
Он не мудрец, а просто недотепа.
Прикинулся всезнайкой, а ведь он
По правде ни умен и ни смышлен.

И встал Логману господин навстречу:
— Как объяснишь ты, раб, противоречье?
И горькою и сладкою еда —
Одна и та ж — не будет никогда.
Логман ему ответил:
— Вы не правы.
Язык у всех — то горше, чем отравя,
То сладок, словно мед. Таков закон.
Хоть со своим сравните языком.

И вновь одобрил господин Логмана,
В его словах не увидав обмана.

БОГОСЛОВ И ЕГО СЫН

Ученый сын ученому отцу
Сказал однажды о печальной истине:
— Мне проповеди слушать не к лицу,
Затем, что их вещатели неискренни.
Поверь, отец, я видел много раз
Двуличие и жадность проповедника:
Он золото кладет себе в запас,
А утверждает, что живет он бедненько.
Отшельниками многим стать велит
И все клянет мирские развлечения,
А сам развратом он по горло сыт!
Какой же толк от этого учения?
Чревоугодник — запрещает пир.
Вещатель истин — потонул в запруде лжи.
Как может он к добру призвать сей мир,
Когда своим страстям не знает удержу?
Не может быть он пастырем, отец!
И как без возмущенья это вынести?

Отец ответил:
— Не ищи, юнец,
Ты в каждом проповеднике — невинности,
Иначе не осилишь ты наук.
Оставь соображения побочные.
Святое назидание, мой друг,
Прекрасно, не взирая на источники!

ГАРУН-АЛЬ-РАШИД И ПОЭТЫ

Прослушал поэтов Гарун-аль-Рашид,
Кто лучший из них — сам халиф разрешит.
Одно сочиненье гласило о том,
Что людям добро воздается добром.
В другом сочиненье писалось о том,
Что зло у людей возмещается злом.
И первому, руку его восхвалив,
«Дать тыщу динаров!»²² — воскликнул халиф.
Второму ж, усмешкой его наделив,
Полтыщи — всего лишь! — отвесил халиф.
И все, кто присутствовал, сед или юн,
Сказали:
— Открой нам секрет, о Гарун.
Ведь эти стихи как две капли чернил,
Чего ж ты по разному их оценил?
Халиф отвечал:
— Если добр человек,
То он о добре помышляет весь век.
А первому, видно, добро по нутру,
Не зря он стихи посвящает добру.
Второй же поэт помышляет о зле
И даже стихи составляет о зле.
Ведь слово — что зеркало.
В слове до дна
Душа человека любого видна.

О ТОМ, КАК СУЛТАН СО СВОИМ РАБОМ ПЛЫЛИ МОРЕМ

Султан великий со своим рабом
Однажды сели на корабль вдвоем.
Раб трепетал от ужаса и горя —
Он прежде никогда не видел моря.
Его просили, били, но нимало
Ничто из этих средств не помогало.
Раб трепетал, выл на один мотив,
Вконец султану этим досадив.

Какой-то врач, согнув в поклоне стан,
Приблизился и молвил:
— О султан!
О, если согласишься ты со мною,
В один момент я труса успокою.
Султан сказал:
— Голубчик, ради бога,
Я милостью сочту твою подмогу.

Вот, по приказу доброго врача,
Раба столкнули в море сгоряча.
Сошлась вода над канувшим рабом,
Потом он всплыл, сверкая серебром,
Потом метнулся, за борт ухватился,
Поднялся, сел и как бы весь светился,
Следя спокойно за бурунной пеной...

Султан вскочил, сраженный переменой.
— Послушай, лекарь, ты умен и смел.
Как успокоить ты раба сумел?
И врач сказал:
— Он моря не видал
И потому страшился и рыдал.
И лишь поняв, как с морем биться трудно,
Он понял цену истинную судна.
Да, цену счастью знает только тот,
Кто горя полной пригоршней хлебнет.

ИСКРЕННИЙ ДРУГ

Купил Мамун рабыню, —
Ну, это чудо, право.
Движенья величавы,
Осанка величава.
Когда же он за полночь
Вошел в опочивальню,
Рабыня отшатнулась,
Забилась в угол дальний.
Решил Халиф надменный,
Глотая оскорбленье,
Во что бы то ни стало
Сломить сопротивление.
Но оказались тщетны
И вкрадчивость и сила —
Его на шаг рабыня
К себе не подпустила.

Мамун, скрывая ярость,
Пробормотал: — Послушай,
Признайся, чем не мил я,
Открой свою мне душу.
Склонилась ниц рабыня:
— Стоящий у кормила,
Тебе скажу я правду,
Казни меня иль милуй.
Твой рот так дурно пахнет,

Что, право, не солгу я,
Едва услышу запах,
Сдержаться не могу я...
Ушел халиф угрюмо,
Не попрощался с нею.
Всю ночь терзали думы —
Одна другой мрачнее.
И вот врачи округи
Пришли на совещанье:
Как быть, чтоб превратилась
Та вонь в благоуханье.
Его лечили строго,
Умно, неторопливо,
И наконец изгнали
Ту пакость из халифа.
И отдал он рабыне
Все, что в душе имелось,
За нрав ее свободный,
За искренность и смелость.
Любил не столь за то, что
Была она красива, —
Скорей за то, что правду
Сказала про халифа.

Не верь в медоточивых,
На лесть и кривду щедрых,
Такой не будет другом,
Такой — навеки недруг.
И ты, Сеид, сослужишь
Себе большую службу,
Когда ты лесть не примешь
За истинную дружбу.

ПРОДАЛ ЗА СВОЮ ЦЕНУ

Жил вор, и как все воры, воровал.
Раз он с кого-то архалук²³ сорвал
И — на базар, чтоб подороже сбыть
То, что сегодня удалось добыть.
Но краденое выкрал вор другой.
И воротился мрачно он домой.
Дружки спросили:
— Эй, скажи, ловкач,
За сколько продал? Только не колпачь.
И он ответил:
— Как досталось мне,
Так я и продал — по своей цене.

СЛУЧАЙ С ХАМАДАНСКИМ ПРАВИТЕЛЕМ

Как явился в Хамадан²⁴ правитель новый,
Стал порядок наводить суровый.
Слышал: есть в краю подвластном толстосум,
Что за щедрость, что за сердце, что за ум!
Не отпустит никого с пустой рукой
И сажает всех за трапезу с собой,
Он и нищих не прогонит от порога —
И приветит, и накормит на дорогу.

Что ж, коль так — правитель рубище надел,
Богача того проверить захотел.
Тот не отнял даже рук от бороды,
Ни еды ему не подал, ни воды,
Ни щепотки плова, ни глотка бозбаша...
Властелин ушел, не солоно хлебавши.
А наутро, облачившийся в парчу,
Он опять явился в гости к богачу.

Как увидел шитый золотом костюм,
Соловьем залился щедрый толстосум.
Бегал, гнулся перед ним подобно слугам.
— Мой достаток, дом и жизнь — к твоим услугам, —
Повторял с подобострастием. — Как страж,
Охранять покой я должен ваш...

Тотчас за сладостями на подносе тонком
Всплыло блюдо с жареным ягненком,

Тут правитель, своему открытию рад,
Всю еду себе поставил на халат.
Поразился толстосум сверх всякой меры:
— Что такое? Что за странные манеры?
— Был вчера я здесь, — спокойно гость ответил, —
Только щедрости твоей вчера не встретил.
А сейчас, завидев в золоте меня,
Стал ты добреньким, характер изменя.
Что ж выходит? Ты не мне, приятель, рад,
Не меня ты потчуешь, — халат.
Так пускай он всё отведает на вкус,
Ты ж смотри, богач, мотай себе на ус.

О ТОМ, КАК ХАПУТЛИНЦЫ ПОЛУЧАЛИ ЯЗЫК

Такое место было на Ширвани —
Деревня Хапутлу — его названье.
В далекий час от нас

деревня эта
Явила миру славного поэта.
Однажды, в выдумке неотразим,
Поведал притчу нам Мулла Кязим.
Я к ней не прибавляю ничего,
Прошу за притчу взыскивать с него.

Когда господь наш создал мир великий,
Он каждому народу дал язык.
Лишь Хапутлу осталась безъязыкой,
И весь народ к стопам творца приник.
— О бог! Ты дал язык татарам, грекам,
Владеют им и русский, и таджик,
А нас ты позабыл.
Будь человеком,
Дай нам хотя какой-нибудь язык.

Но бог промолвил:
— Плохо с языками.
Я дал бы вам, да мой иссяк запас.
Клянусь величием. Хоть проверьте сами,
Ни одного словечка нет для вас.
Болтайте, что взбредет — кто как привык, —
И думайте, что это ваш язык.

ЕСЛИ ТЫ УДАРИШЬ ЕЩЕ РАЗ...

Ташил амбал согбенный корзину со стеклом.
Ему навстречу пьяный с железным помелом.
Он стукнул железякой намеренно и зло,
И звонко на дорогу посыпалось стекло.
Пьянчуга, не смутившись, такой вопрос задал:
— Ты что в корзинке тащишь, скажи-ка мне, амбал?
— Когда бы ты пораньше спросил меня о том,
Тогда бы я ответил: корзину со стеклом.
Но если ты ударишь еще раз, то в ответ
Скажу, что ничего уже в моей корзине нет...

СЛЕПОЙ

Слепцу насмешник злобный неспроста
Сказал однажды:

— Слушай, темнота,
Какую я ни посещал страну,
Повсюду слышал мудрость я одну:
Аллах, отнявши зренье, говорят,
Вознаграждает бедняка стократ.
А чем тебя вознаградил творец?

— Скрывать не стану, — отвечал слепец, —
Бог дал мне много вместо слепоты:
Не видеть наглецов — таких, как ты.

СААДИ И СКРЯГА

Маститый Саади—певец Шираза²⁵ —
Поведал нам из своего рассказа,
Как с несколькими умными друзьями
Он странствовал далекими краями.
«Да, как луна, по кругуплыли мы,
Из града в град, из света в область тьмы.
И наше знание знаньем отточилось.
И, наконец, нам в Руме²⁶ быть случилось.
А там, сказали, жил богач тогда —
Неисчислимы у него стада.
Сказали: он несметных сумм владелец...

Мы у него заночевать надеялись,
Поужинать и мирно отдохнуть,
А утром встать и снова в дальний путь.

И вот пришли мы к дому богатея.
Он вышел к нам, от радости потея,
Пред нами он согнул сутулый стан,
Открыл объятя, словно каждый зван.
И мы ему отвесили поклоны,
Мы к этой ласке были благосклонны.
Он припадал губами к нашим щекам,
Он лбызал нам руки и ступни
За всех, кто занят промыслом высоким,
За прошлые и будущие дни.

Мы в дом вошли, омыв водою лица,
А он, он тотчас принялся молиться.
Он преклонял колена пред творцом,
Он застывал с молитвенным лицом,
Он повторял:
— О бог наш всемогущий,
Что открывает чистым рая кущи...
Он до утра невнятно лопотал,
Он о каких-то благах хлопотал,
Нас мучил голод, нас томила жажда,
А он молился истово и важно.

Как только утро озарило дом,
Мы поднялись с урчащим животом.
Пред нами вновь согнулся он со стоном,
Облобызал и проводил с поклоном.
Один из нас сказал:
— О богатей,
О щедрый человек, прости гостей.
Кормил ты нас лобзаньями, как милых,
Но этим мы насытиться не в силах.
Чем ставить обувь к выходу носком,
Уж лучше бил бы гостя башмаком.
Нет, не молитвой, — хлебом благородным
Попотчуй гостя, он и будет сыт.
Гость не простит, когда уйдет голодным,
А бог твою неправедность простит.

ЗАВЕЩАНИЕ ИСКЕНДЕРА

Час пришел и, величья являя пример,
Огласил завещанье свое Искендер:
— Передайте вы матери старой моей, —
Как умру, пусть на тризну сзывает людей.
Но такое условие прошу соблюсти:
Кто хоть раз пострадал на далеком пути,
Хоть единожды горе узнал, — тот рукой
Пусть не трогает пищи на трапезе той...

Вот настала и тризна.
И скорбная мать
Стала сына желанье гостям объявлять:
— Пусть лишь тот из пришедших коснется еды,
Кто ни разу не знал ни тоски, ни беды.

Все, кто был за столом, пригорюнились вдруг,
Ни один за едой не тянул своих рук,
Потому, что любой, кто явился сюда,
Хоть однажды да знал, что такое беда.

И убитая горем, скорбящая мать
Попыталась горячие слезы унять.
Видно, трудно и в прошлом найти, и теперь
Человека, что в жизни не ведал потерь.
Друг мой! Если несчастье подступит к тебе,
Не терзайся и не поддавайся судьбе.
Все проходит.
И горе — придет и уйдет,
И печаль, как туман, обоймет и уйдет.

ГЛАЗАМИ МЕДЖНУНА

Меджнуну однажды невежда сказал:
— О ты, чья любовь, как бушующий вал!
С ума тебя страсть и надежда свели:
Поверь мне, не так уж прекрасна Лейли.
Изюминки, право же, нет у нее,
Есть девушки лучше и краше ее.

Ответил Меджнун, не скрывая печаль:
— Мои треволенья поймешь ты едва ль.
Ах, чтобы друг друга понять мы могли —
Глазами Меджнуна смотри на Лейли!
Тогда ты оценишь ее красоту,
Ее чистоту и ее доброту.
Тогда ты поймешь и свеченье мое,
Безумство мое, увлечение мое, —
В безумии не упрекнешь меня ты:
Лейли — это образ самой красоты.
К Лейли я спешу наяву и во сне
И нежность ее закипает во мне.
Люблю. А любовь — основанье земли.
Глазами Меджнуна смотри на Лейли!

Обращение
к Мусульманам

ОБРАЩЕНИЕ К МУСУЛЬМАНАМ КАВКАЗА

Мой добрейший учитель, о ты, Гасан-бек²⁷,
Чья ученость — людей пробуждает к борьбе,
Чьими знаньями наш украшается век, —
Я, смиренный Сеид, обращаюсь к тебе,
Ты, кто сердце открыл беднякам, как жилью,
Вот письмо мое — плод беспокойных ночей, —
Обращенье к народу Кавказа мое
Напечатай, учитель, в газете своей!..

Населенье Кавказа, тебе — ассалам!
Ассалам, покровители наши, и вам!
Добродетельным людям приветствие шлем —
Тем, кто любит народ и печется о нем.
Если нет у мужчин благородства души,
Значит, женщины выше душой, чем мужи.
К вам взываю, о люди, чья сила в уме:
Мусульманская нация гибнет во тьме!

С каждым днем худосочнее мы, и жалка
Наша участь, в которой печаль и тоска.
Этой участи горе одно суждено —
От отсутствия знаний исходит оно.
Темнота и отсталость — наш давний недуг, —
Исцелить его может лекарство наук.
Если кто заболит на пару недель —
Он, не думая долго, ложится в постель

И, как водится, лекаря ждет, чтобы тот
Исцелил от болезни, телесных невзгод.
А вот нация наша давно уж больна,
Ожидает от нас исцеленья она!
От невежества ей отойти не пора ль?
Нас постигло унынье, нас давит печаль:
Все другие народы сильны на земле —
Только люди ислама веками во мгле.

Человек, проклиная долю свою,
Не теряет надежды, что будет в раю.
А у нас на земле много скорби и тризны,
Не сулит нам добра и загробная жизнь!

В каждой нашей несчастной провинции есть
Грамотеев всего только пять или шесть,
Но зато там носителей множества смут —
Пятьдесят тысяч всяких ахундов²⁸ и мулл,
Пятьдесят дервишей²⁹, и еще пятьдесят
Прихлебателей разных, что пьют и едят,
Пятьдесят тысяч нищих, бродящих вокруг,
Пятьдесят тысяч плутов, лжецов и воругов,
Каждый молится, каждый ворует и врет
И по своему всяк обирает народ,
Околпачит, обманет, разденет его,
И безмолвный народ не поймет ничего.

На суннита обрушится с бранью шиит,
И, конечно, суннит на шиита сердит...
Ох, по горло уж этим мы сыты давно.
Мы ослепли. В глазах мусульманских темно.
И народы над нами смеются везде,
Потому, что мы все в бедноте и беде.

Если кто овладеть даже грамотой смог —
Среди моря безграмотных он одинок.
Горстка их, просвещенных. Как горсточке той
Подниматься в потемках на бой с темнотой?
Впрочем, пламя сухое взовьется едва —

Разгорятся легко и сырые дрова!
Но ворота науки закрыты для нас,
К ним никто подойти не желает сейчас.
Прежде к ним подступиться могли мы не вдруг,
А теперь стало легче и проще, мой друг.
Изменяется мир на глазах у людей,
Хочешь знаний добиться — бери и владей.
Даже в небо пути открываются нам,
Вместо паруса бегают пар по волнам.
Стали люди не те, и порядки не те,
Только мы, мусульмане, живем в темноте.
Только мы завещаниям затхлым верны,
Остаемся, как деда, слабы и бедны.
Всякий дедов закон — нам священный закон,
Хоть давно обветшал и состарился он.
Ну, а если придет человек с головой,
Скажет, солнце не плоскость, а центр мировой,
Что вокруг солнца вращает вселенная нас
И трясет нашу землю скопившийся газ,
А не бык, что трясется с землей на хребте,
Чему верит народ наш в слепой простоте,
Если б солнца затмение понять он помог,
Что луна затмевает его, а не бог,
Если с тайны небесной сорвет он покров, —
Стоит только десятком обмолвиться слов,
Как тотчас заорут на него, загалдят,
Что он — грешник, гяур, что он дьяволу брат.
В чем же дело?
Да в том, что неграмотны мы,
Что никак мы прорваться не можем из тьмы,
Все неясное — нам чудеса из чудес,
Слепо верим всему, что наврет мракобес.
Нам с пеленок втолковывают шариад³⁰,
Мы не знаем, как мир наш и мудр и богат.
Мы сумели бы воздух познаний вдохнуть,
Только сами себе преградили к ним путь.
Как лентяи багдадские сетуем — ах! —
На судьбу, а судьба-то ведь в наших руках.
Сам пророк восхвалял работающих людей.

Без познаний мы темной скотины темней.
О, поверьте мне, люди, — наука — как свет,
Для нее ни препон, ни препятствия нет.
Виноваты мы сами, что слишком темны,
Скудоумие наше — от нашей вины.

Ныне в школу Ширвана пришел ученик.
Изучаем мы русский и тюркский язык.
Одинокó тружусь, выполняю свой долг,
Но надеюсь, что будет из этого толк.
Может, все-таки муфтий³¹ и шейх-уль-ислам³²
Наконец сговорятся о помощи нам.
Ведь они, как твердят, возглавляют народ,
Ведь от них к нашей нации благо идет.

Ну, Сеид, не довольно ли рифмы плести?
Только веры в добро не теряй на пути.
Может, все-таки муфтий и шейх-уль-ислам
Наконец-то и школе помогут, и нам.

НАСТАВЛЕНИЕ

Наследник мой! Все люди знают ныне,
Что близок темный человек скотине,
Что даст ему ученый сто очков.
Все это знают испокон веков.
Бог дал народам много языков,
Все это знают испокон веков.
Он нас учил, чтоб нам придать отвагу,
Что знанье языков приносит благо.
А если так, то приобщись к благам,
Отдайся чужеземным языкам.
Особенно язык нам нужен русский.
Со всеми языками дружен русский.
Нам нужен русский — честный и прямой, —
Ты русский изучай, наследник мой.

Когда твой ум — не замкнутый, не рабский,
То знай: нам нужен не один арабский.
Бог — не араб, не эфиоп, не финн,
Что тут, что там — повсюду он один.
Зови его аллахом, богом, deus —
Все суть одна — найдет она везде нас.
Все языки на свете хороши,
Коль раскрывают тайники души.
И потому язык арабов ныне
Почтут народы, как и остальные.
Аллах — сторонник всяких языков.
Все это знают испокон веков ..

А Магомет был из простых арабов
И потому принес язык арабов.
А был бы родиной его Азербайджан,
Тогда б на нашем создан был коран.
Я это говорю не слова ради.
Все думают в Дамаске и Багдаде,
Что знал пророк другие языки.
А если уж пророк знал языки,
То это нам тем более с руки.

ПО СЛУЧАЮ ВОЗДВИЖЕНИЯ ПАМЯТНИКА
ПУШКИНУ

Каждый гарин³³ появляется в мире один
Вождь и высоких и низких, страны господин.

Доблестный Рус — его предок — сын Ноя, Яфес,
Север забрал при разделе земли и небес.

Слово «Россия» — от слова короткого «Рус».
Старый язык той страны я хвалить не берусь.

Для совершенства ее языка и письма
Мудрые люди потратили много ума.

Но появился умнейший один человек, —
Русский язык, упростив, возвеличил навек!

Звать его — Пушкин. Он тайну гармоний постиг.
И сочинил он великое множество книг.

Стих загорается — блещет жемчужина в нем.
Будто Евангелье — каждый написанный том.

Если бы очи Лейли их увидеть могли,
То от восторга бы стала Меджиуном Лейли.

Рано оставил земную обитель свою —
Пусть Иисус бережет его душу в раю.

Был он прославлен, при жизни имел он почет.
Умер поэт, а посмертная слава растет!

ТРИ ЯЗЫКА

Нам следует три языка изучать неустанно:
Арабский язык — им написаны суры³⁴ корана.

Родной — на котором народ изъясняться привык —
Должны понимать мы и пестовать тюркский язык.

А третий язык — это русский, он истинный друг
Тому, кто стремится к ремеслам и тайнам наук.

На русский язык шариат не кладет свой запрет:
Ни строчки об этом в священных писаниях нет.

Так будь Соломоном, знай тайны различных наречий,
Чтоб феям и дивам³⁵ понять твой язык человеческий.

Огню поклонялись предки Салмана³⁶ и все же
Сумел по-фарсидски он славить достоинство божье,

Ислам на своем языке проповедовал он
И был Магометом назначен главою племен.

Несхожесть речей подарил человечеству бог —
И с истиной этой согласен корана знаток.

Каким языком ни владела б наука — она,
Любых языков достойнее, народам нужна.

Случилось, что люди Ислама — мне грустно признаться —
Во тьме прозябая, отстали от множества наций.

Давно уже тянутся страны к науке упрямо,
А нам остается гниющее семя Ислама.

Чтоб смрад вековой над землею развеялся этот,
Пусть в школах скорей звуковой утверждается метод.

Он детям поможет, и станет им легче учиться.
Пусть новый наш метод на старой земле утвердится.

Идет пароход — бороздит он простор голубой, —
Пора нам расстаться с лодчонкой, скрипучей арбой.

О если б я мог понимать все наречья земли! —
За это меня бы в грехе упрекнуть не могли.

Ахунд, эфенди³⁷! Не грешно б это было и вам.
Аллах да поможет беднякам, чья вера — ислам!..

Сенд, пусть тебя называют гяуром, но ты
На зависть беспутным иди по пути правоты!

ЧТО ТАКОЕ ГАЗЕТА

Простак и неуч требует ответа:
— Какую пользу нам дает газета?
Скажи на милость, добрый человек,
Чего он хочет, этот Гасан-бек?

Он пишет о посевах, земледелье
И часто упрекает нас в безделье,
Он пишет, что в стране за морем синим
Изобрели какую-то машину.
А мы — машин не знаем испокон.
Не голову ли нам морочит он?
Кричит: побольше надо нам учиться
Производить и обуви, и ситца.
К чему нам это, если мы прекрасно
В посудинах сбивать умеем масло?
Любая женщина из Карабаха³⁸
Сбивает масло — с помощью аллаха.
Иль сыр мы разучились продавать?
Или не можем пахать и пахать?
Выходит, нам не надобны машины —
Ведь мы привыкли к тяге буйволиной.
Что нужно для хозяйства? Два быка,
Да серп, да молотильная доска.
А Гасан-бек все пишет — и впустую —
Что, мол, народ в Америке бастует.
Эх, слова правды в той газете нет.

Газета — лишь приманка для монет!
...Опровергать мне тошно эти речи,
Но все-таки невежде я отвечаю:
— Кто выдумал газетную печать?
Какой народ заставил лист звучать?
Наверно, были у него печали
И потому страницы зазвучали.
Не говори: какой в газете толк.
Читать газету — твой первейший долг.
Газета просвещает человека,
Она — гонец стремительного века,
Пройдет она по трудной переправе,
Летит на иноходце — телеграфе —
На юг и север, запад и восток,
Известьями заполненный листок!

Газета — это радости источник
Особенно для наших стран восточных.
«Тифлисский вестник»³⁹ — истинно хорош:
Его читая, мир ты познаешь.
Он пишет правду, никогда не врет —
И потому берет его народ.
Возьми «Кавказ»⁴⁰. Сейчас газета эта
Для нас, кавказцев, как источник света.
Правдивая газета «Экинчи»
Для всех людей ислама — свет в ночи, —
Обогатив твой ум и твой досуг,
Расскажет про Тунис и Петербург.
Как с человеком, с ней заговоришь —
Про Индию расскажет и Париж.
Летит газетный лист во все концы,
Приходит в мастерские и дворцы.
Чтоб не блуждать во тьме по белу свету —
Эй мусульманин, прочитай газету!

ПЬЯНИЦЕЙ НЕ БУДЬ!

Слушай, сын, за пенной чаркой не тянись,
За отравой этой жаркой не тянись.
Пьешь ты чарку, а она твой разум пьет.
Ты потом не разорвешь ее тенет.
Человек, лишенный света и ума, —
Что он в жизни? Для него весь свет тюрьма.
Выпьешь чарку — и заснешь тяжелым сном,
И надолго распростишься ты с умом.
За вино несешь в харчевню серебро,
Отдаешь свое последнее добро.
А оно — твое проклятое вино, —
Сколько чистых душ разрушило оно,
Сколько братьев превратило во врагов,
Сколько в мире погасило очагов.

Был я тоже грешен, яд в меня проник,
И закладывал, увы, за воротник,
И в харчевнях дни и ночи пропадал,
К винным бочкам, что есть мочи, припадал.
А вокруг — весельчаков беспечных тьма
И красоток, что сговорчивы весьма.
За стаканом быстро следовал стакан,
А потом я становился буйно пьян
И плясал у дымной бочки до утра,
И у бочки спал все ночи до утра,
А поутру встать не мог навстречу дню.

До тех пор, пока стакан опорожню.
Был учен я, был умен я, был хорош,
А потом меня не ставили во грош.
Забудьгой, забнякой пьяным стал
И уродство возводил на пьедестал.
А очнулся, огляделся я вокруг, —
Вижу: в мире я один теперь, сам-друг.
Где друзья мои, где разум мой, где дом?
Ни опоры, ни участия ни в ком.
На базарах, у пивных валялся я,
На меня смотрели с горечью друзья.
Пьян и бос... Такая шла теперь пора,
Что в меня швыряла камни детвора.
Окровавленный, отвергнутый, без сил,
Словно призрак, я по городу бродил.

Но нашелся друг — друзья такие есть! —
Подав руку, смог от пагубы увести.
Взял мой друг с меня торжественный обет,
Мне опять пролился в душу белый свет.
Друг меня не упрекал и не бранил,
Просто взял и от беды оборонил.
Не лежит на мне тяжелая вина,
Проклял я и вкус и цвет того вина.
Стал я чистым, как глаза чисты от слез,
Как прошедший копи соляные пес.

Я ЧАСТО СЛЫШУ...

Я часто слышу, сын мой, — зло и рьяно
Ты проклинаешь всякий раз шайтана.
Конечно, он проклятья заслужил,
Но он один ли песню зла сложил?
Ты всяких дел, мой друг, навывтворяешь,
А час придет — шайтана обвиняешь.
Он не участвовал в твоих делах.
Чудишь ты, братец, что-то, башаллах⁴¹.

Да, чтоб не сглазить, ты, признаться, ловок,
Легко вину валишь ты на другого.
А ты скажи, откройся нам при всех:
Шайтан иль ты творишь всечасно грех?
Ты — боже мой! — забыл, что значит книга,
Ты стал гуляка, бражник, забудьга.
А разве кравчим был шайтан твоим?
Давал гашиш иль, может, кокаин?
Иль, может, он к чужим таскался женам,
Ночным гулякой, пьяницей прожженным?
Нет, это бог, всемилостивый бог
Во всех твоих делах тебе помог.
Ведь ты — творец, ведь ты — создание божье,
Ты, как и он, в поступках властен тоже.
К добру и злу он проложил пути,
Сам выбери, каким тебе идти.

Не будь беспечным, не слыви поспешным,
Найди различье меж благим и грешным.
И если сам грехом ты не влеком, —
Ни бог и ни шайтан не приманят грехом.
А если хочешь правды, — мы не скроем:
В своих делах себя считай героем.
Будь поразборчивей в своих делах.
Ты сам себе шайтан и сам себе аллах.

И если властен над своей судьбою,
Тогда распоряжайся сам собою
И сам подумай про добро и зло,
Хоть, говорят, от бога все пришло.

Самзурси

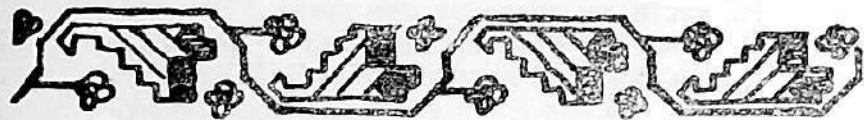

ПОХОРОНЫ ПСА

У Гаджи⁴² богатого в долгу
Были шахсевенцы⁴³, как в шелку.
Тот Гаджи, неслыханно богат,
Много табунов имел и стад,
Баранту — не сосчитать отар.
Пса имел по имени Боздар.
Бегал пес по тысяче дорог,
Баранту хозяйскую стерег.
Но судьба готовила подвох —
Верный пес состарился и сдох,
Стал хозяин обряжать его,
Уложил он на кровать его,
Саван сшил, храня печальный вид,
А потом вблизи могильных плит
Яму вырыл и похоронил
Пса Боздара у святых могил.
И, молясь семь дней в своем доме,
Он справлял поминки по нему.
О поминках услышал мулла,
Возмутился:
— Скверные дела!
Тот гаджи пред богом виноват,
Осквернил коран и шарият.
Разве можно веру сохранить —
Пса, как правоверных, хоронить!

Сел мулла на жирного осла.
Вдаль его дорога повела.
Едет он того гаджи винить,
Едет он того гаджи казнить.
Между тем, хитрющему гаджи
Об угрозе кто-то и скажи!
И тогда богач без лишних слов
Из загона пятьдесят голов
На дорогу выставил овец.
И муллу он встретил:
— Ах, отец,
Ах, имама⁴⁴ доблестный слуга,
Жизнь моя, как видно, недолга,
Злое горе пережить пришлось —
Умер мой Боздар, вернейший пес.
Лев — не пес! А сторож был каков!
Баранту спасал он от волков.
Крепки были лапы, острым — слух.
Завещал он, испуская дух,
Чтобы я его похоронил
На погосте, близ людских могил.
И еще тебе, святой отец,
Завещал Боздар полста овец.
Вот они... Исполню волю пса!..

Глядя на овец во все глаза,
Простонал мулла, не пряча слез:
— Не грехи! Да разве это пес?
Твой Боздар не хуже нас с тобой —
Это подтвердит тебе любой.
Господу молитву вознесу —
Вечная да будет слава псу!
И мулла, склонив свою голову,
Из корана прочитал главу...

О ТОМ, КАК ОБИТАТЕЛИ ЗЕМЛИ ОТПРАВИЛИСЬ НА НЕБО С ЧЕЛОВИТНОЙ

Была пора — объял планету гнет,
И стон людской заполнил небосвод,
Несчастья шли за хаосом гурьбой,
И воцарились кражи и разбой.

Совет был созван. И без дальних слов
Решили к богу снарядить послов:
Пусть несколько мудрейших, как на суд,
Аллаху боль земную принесут.
Вошли в посольство мудрые мужи:
Паломники, аскеты, дервиши.

— Идите с богом к богу на прием,
Мы вас — с наказом божьим подождем...

И с именем господним на устах
Пошли послы за правдой в небеса.
И вот они в далекий мир пришли,
И видят: возлежит творец земли,
Главу седую подперев рукой,
И, немощный, вкушает там покой.
Послы воззвали:
— Сжался, о творец,
Покою на земле пришел конец,
Убийства и разбой царят у нас,

Ни чести, ни достатка про запас.
О, смилуйся и укажи нам путь,
К юдоли нашей ласковым пребудь.

Создатель молвил:

— Ах, как я устал,
Измучился, покуда вас создал...
Я очень стар, года мои ушли,
Бессилен я помочь, послы земли.
Давно ушел от горести людской,
Я вас прошу: не рушьте мой покой.
Заботы возложил я на Ису⁴⁵,
И сам за то ответа не несу.
Ступайте и откройте все ему,
Он вам поможет, и развеет тьму.

Пошли искать послы земли Ису,
На небе на седьмом нашли Ису,
И приобщили к горестям своим,
И дать просили исцеленье им.

И рек Иса:

— О жалкая орда,
Совсем лишились, видно, вы стыда.
Ведь я же был у вас, чтоб вас спасти,
Благую жизнь вселенной принести.
А вы? А вы? Как поступали вы?
Меня сослали и распяли вы!
Вы мать мою заставили стенать
И слезы лить, и землю проклинать.
Вы дня в покое не дали прожить,
Чтоб вам дорогу к богу проложить.
Вы не дали мне на земле житья.
Затем-то землю и покинул я.
А нынче вы хотите, чтобы вновь
Я к вам сошел и снова пролил кровь?
Чтоб мучиться под жалами огня?
Чтобы опять распяли вы меня?
Нет, дудки. Нет. Теперь нам лучше врозь...

Да я вас, люди, вижу всех насквозь.
Да разве вновь осмелюсь я решить
Среди людей, покинув небо, жить?
Страдайте, мучьтесь больше в тыщу раз.
Вам поделом! Мне дела нет до вас.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ученому, если и вправду он свят,
Мой сын, послужи, как привратник у врат!
Но есть еще плуты и есть хитрецы,
Которые едут в любые концы
Себе заработать не знание, а званье.
Полным их полно — в Кербале⁴⁶, в Исфагане⁴⁷,
В Езду, Бехбахане⁴⁸ — их тоже полно.
Не много от бога их душам дано:
Зубрежке часок посвящают короткий,
Потом они тщательно красят бородки,
Глаза богословов блудливо горят —
И тут начинается чадный разврат.
Пять-шесть заучивши священных страниц,
Они на попойках целуют блудниц.
Текут богословы потоком в Ирак,
Они заключают здесь временный брак,
Легко улаживают и прихоть, и похоть,
Потом начинают в отчаяньи охать:
Когда источит их немислимый блуд,
Они порошки от бессилия пьют,
Днем — временный брак освятят на коране,
А ночью — свершают прелюбодеянье,
Бормочут стихи, — никому непонятен,
Их смысл потонул в шелухе отсебятии.
Когда же кончается счет медьякам,
То шлют они письма своим землякам:

— Я здесь предаюсь, сохраняя обет,
Моленно и бдению множество лет,
Священные книги я в полдень читаю,
А в полночь — страницы повторно листаю.
«Усули-Кафи»⁴⁹ — эту книгу из книг
Прочел и воистину мудрость постиг,
Толкую по-своему трудные главы,
И стал я ученым, овеянным славой,
Разгаданы тайны святого письма.
Понаторел я в науках весьма,
Что Фехри-Рази⁵⁰! Обо мне говорят!
Прошу вас, пришлите немного деньжат:
Я книгу пишу, чтобы мудрость копить,
А нету гроша, чтобы свечку купить.
В науке всеюнощно себя источаю,
Без пищи ложусь, просыпаюсь — без чаю...

Письмо земляки получают — и вот
Их добрая жалость к бедняге берет.
Пошлют ему деньги и пишут наказ:
— Учись, богослов, и надейся на нас.
Тебе мы поможем — так хочет пророк, —
Чтоб стать знаменитым ученым ты мог.

Когда ж получает деньгу богослов,
Он вновь к прожиганию жизни готов...

Возвращение богослова

А вскоре молва возникает о том,
Что он приезжает в отеческий дом.
Ликуя, встречает его городок,
И отрок, и старец приходят в восторг.
Робеют, иные, а многие прямо
Его величают питомцем имама,
Кричат, выходя из лачуг, из потемок,
Что едет домой Магомета потомок.
И справа, и слева толпа на пути

Готова его на руках понести.
Семь дней посещает народ богослова,
Барашками кормит и горками плова,
Клопочет в посудинах тающий жир.
Для всех правоверных — пир на весь мир.
Когда ж устают он и кушать, и пить —
Зовут его все очаги освятить,
Его приглашают в дома нарасхват,
Особенно тот, кто достатком богат.
И молвит соседу один почитатель:
— А новый-то дом нам построить не к стати ль.
Достойный, конечно, персоны такой?
И вот уже камень обтесан киркой...
Другой вопрошает: к лицу ли святому
Жены не иметь? Нелегко холостому.
И вот полудевочку в тоненьком платье,
Ребенка — бросают шайтану в объятья —
И это еще почитают за честь...
Теперь уже гостю пора и в мечеть.
Но прежде, чем к прихожанам явиться,
Он прихорашивается, как девица,
Которая только и ждет женихов.
Сурьюю подводит глаза богослов,
Потом облачается в шелк или бархат,
На пальцах лучатся брильянты и яхонт,
Влезает в блестящие наленины⁵¹,
Чалму надевает, конец ее длинный
Так стянет — дыханье спирает в зубу,
Накидывает дорогую абу⁵²
И с тростью, что ручкой блестит костяной,
В чалме, и с бородкой, окрашенной хной,
С янтарными четками, в кольцах и шелке
Он шагом утиным идет по дороге,
Сурово следя, как со всех сторон
Ему отдают за поклоном поклон.
Не сводят суффины восторженных глаз
С того, кто готов совершить намаз.
Он входит в мечеть. Он надменно идет
К минбару⁵³. Его ожидает народ.

И вот начинает свой голос он пробовать,
Читать правоверным длинную проповедь.
Стихи из корана прочтет нараспев,
И полные руки к аллаху воздев,
Взывает: — О, вы, правоверные, рад
Сказать вам: мне тайну открыл шарият.
Все знанья мои — да восчувствуй и зри —
Щедрее, чем знанья святого Садри.
Ученость мою, как из глуби морей,
Должны вы черпать, чтобы стать помудрей.
Есть много в коране загадочных строк —
Растолковать их я заново смог.
А старые все толкованья отверг.
Хотя Бейзави⁵⁴ и святой человек —
Он в книгах своих согрешил против правил,
Ошибки его я раскрыл и исправил.
А что же касается Фехри-Рази —
Невежеством так от него и разит.
Души не найти в его «Книге души»⁵⁵.
И все толкования — нехороши.
Мулла Фатулла прозябает во зле,
То пишет о небе, а то — о земле,
А толку в писаньях его не найдешь,
Одна только ересь, греховная ложь...

Надменную слушают речь прихожане —
И глубже становится их обожанье:
— Ученей, наверное, нет богослова —
Он лучше такого-то и такого...
Как видно, сильнее в науках, чем сам
Знаток богословия Шейх-уль-Ислам!

Но, впрочем, бывают неглупые люди,
Которым такое претит словоблудье.
Они понимают: ученый сей муж
Болтает, несет несусветную чушь.
Но в горле у них застревают слова
Затем, что боятся они большинства...

О, если бы вдруг отыскался смельчак,
Который б сказал проповеднику так:
— Довольно тебе притворяться, имам.
В учености этой — нет радости нам.
Кого просветил ты, кому ты помог,
Кого излечил ты, о лживый пророк?
Что званье твое, если разум поправ,
Ты дьявольской штукой назвал телеграф,
Дорогу железную — выдумкой черта...
Над нами невежества ночь распростерта,
Пошли христиане вперед. Ну, а мы?
А мы, мусульмане, в объятиях тьмы.
В науках сильны христианские страны,
А ты занялся толкованьем корана.
И если живем мы в тисках темноты,
То в этом виновны такие, как ты.
Так дайте ж к науке и нам приобщиться.
Вы веру свою продаете, мздоимцы!
Любой несмышлениш, пожалуй, достойней
Твоей лженауки, тебя, лжеученый!..

УЧЕНЬИ НЕУЧ

Ученый муж поехал на учение,
И люди долго ждали возвращения.
Неплохо дни провел он на чужбине,
Готов был там остаться и поныне.
С привычкой он своей не порывал:
Он день и ночь шумел и пировал.

Занятия до лучших дней отложены,
Забыты книги и уроки брошены.
Легко простившись с прежнею надеждой,
Домой вернулся полным он невеждой.
Все знания, что дома накопил, —
В гулянках и попойках потопил.

И вот он дома. Встреченный с почтением,
Познаниями он хвастал и учением.
Сказали люди:
— Ты — как божье око,
Мы ждем тебя все годы как пророка.
Тебя мечтают люди лицезреть,
Благоволи явиться к ним в мечеть.
Три дня подряд читать ты должен проповедь,
Ввернуть нас в лоно богово попробовать.

Смекнул хитрец, чья слава так блистала:
Пред ним само невежество стояло.

Что стоило ему тюрбан надеть
И в шлепанцах прошествовать в мечеть!
Вот, гордый, он стоит перед скорбящими,
Сидящими, всевышнего молящими.

Когда ж молитвы были все пропеты,
Он возгласил:

— О племя Магомета,

Да знаете ли вы хоть что-нибудь?

— Нет. Мы темны. Открой. Согрей нам грудь.

— Но если все и вправду так незрячи вы,
Тогда к чему мне время зря растрачивать? —
И он сошел с минбара, удрученный...

А завтра вновь пришел в мечеть ученый.

— О, знаете ли вы хоть что-нибудь?

— Мы знаем, знаем — свет вошел нам в грудь.

— Ну, если вправду так вы, братья, сведущи,
Тогда поговорим мы в день последующий. —
И он ушел, собою восхищенный...

А утром вновь пришел в мечеть ученый.

И вновь воззвал:

— О ищущие путь,

Да знаете ли вы хоть что-нибудь?

И все ему с готовностью ответили:

— Часть знает, а другая часть в неведение.

И возгласил мудрец в священном раже:

— Кто знает, пусть незнающим расскажет...

Потрясены умением таким,

Упали правоверные пред ним.

— Тебе подобных в нашем мире нет еще.

Ты излечил несведущих и сведущих.

Коль были б все ученые такими,

Мы сами мудрецами стали б с ними.

Аллах послал тебе священный дар...

Достойный муж покинул свой минбар.

О ТОМ, КАК ҚАЗИ СЖЕГ БОРОДУ

Қази был впечатлителен и смел,
Читать умел и толковать умел.
Листал он как-то книгу мудреца
И вдруг залнулся, побелел с лица.
Такие в книге встретил он слова:
Когда мала у мужа голова,
А борода закрыть способна пуп, —
То этот человек, бесспорно, глуп.

И стало нашему кази невмочь.
Он нервно шупал голову всю ночь
И бороду ладонью измерял.
«Какой позор!» — он в страхе повторял.

Ученику открыл он это слово,
А тот ему в ответ:
— О что вы, что вы!
О что вы, досточтимый, это к вам
Не может относиться, мой учитель.
Ведь вы мудры, учитель, как имам.
Ведь вы, учитель, святости хранитель...

Но вновь взялся кази за книгу эту
И вновь увидел глупости приметку.
«Ах, что же делать?» —
И кази поник. —

Что ж, что меня утешил ученик.
Ученику и подобает лесть...
Но у меня ж примета эта есть.
Неужто в самом деле я дурак?..
Нет, надо мне скорее сделать так:
Чалму побольше на себя надеть,
А бороду отрезать — хоть на треть.
И ни один на свете идиот
Меня за идиота не сочтет».

И стал он бороду со злобой тискать,
По всем углам за ножницами рыскагь,
Но не нашел. Напрасные труды.
Решил он лампу засветить ночную
И, в кулаке зажав полбороды,
Поднес к огню — лохматую, седую.
И тотчас вспыхнула она...
Кулак
Разжал он с воплем.
Борода с кудрями
Пылала, вонь распространяя, так,
Что все лицо покрылось волдырями.
Кази упал и взвыл и, между нами,
Подумал, что и вправду он дурак.

ВЗЯТКА БОГУ

В земле Хамаданской есть место одно,
Где люди темны и сознание темно.
Весь год там поля не видали дождя,
И плакали люди, и ждали дождя.
Почуяв, что жизнь их подходит к концу,
Решили послать подношение творцу.
Пускай, прославляемый в добрых делах,
Им дождь ниспошлет милосердный аллах.

Сложили в платок носовой кто что мог,
И старосте этот вручили платок.
Направился староста к богу пешком,
Пошел по степям бесконечным путем.
Весь день он шагал и всю ночь он шагал,
Со взяткой в платке он аллаха искал.

В ту пору известный в краю господин
На знатную вышел охоту один.
Две гончих на длинном златом поводке,
И сокол могучий на левой руке.

Увидев охотника, сельский ходок
Затрясся от страха и поднял платок.
Он тотчас же понял, что это — аллах,
Аллах, прославляемый в добрых делах.
И пал на колени несчастный глупец,

Платок протянул и воззвал:

— О творец!

Я алчущей бедностью послан к тебе,
Прими же участие в нашей судьбе.
Вот наше богатство — платок носовой,
Возьми его, боже великий, он твой.
За это пошли ты нам дождик, творец,
Чтоб засуха нас не убила вконец.
Вели Джебраилу⁵⁶, сидящему тут,
И двум Азраилам⁵⁷ — пусть дождик пошлют.
Достойны ль мы милости божьей, — решай.
О бог, благодаянья нас не лишай.

Тот сразу смекнул, что столкнулся с глупцом
И принял платочек с крестьянским добром.

Сказал:

— Подношенья могу я принять.
Ну что ж, не минует и вас благодать.
Ступай преспокойно обратным путем.
Я в пятницу эту воздам вам дождем.

Вернулся бедняга, не чувствуя ног,
И людям поведал, как благостен бог.
— Я видел его и я с ним говорил.
Сидел на руке у него Джебраил
И два Азраила стояли у ног,
А зубы их — каждый как острый клинок.
Величьем аллаха повержен во прах,
Платок протянул я, воскликнул: «Аллах!»
Хоть дар наш крестьянский ничтожен и мал,
Но он снизошел к нам и дар этот взял.
О как не восславить его благодать!
Ведь в пятницу дождь обещал он послать...

И вот, как ни странно, но в пятничный день
Обрушился дождь на поля деревень,
Он все разметал, все живое убил.
Народ от напасти такой приуныл.

Но кто-то сказал:

— Справедлив наш аллах,
Он денег таких не видал в небесах,
И так он на сумму на всю завернул,
Как будто от немощи зелья глотнул.

КАК ПОВЕСИЛИ МЕРТВЕЦА

Велел повесить вора строгий шах
И приказал, чтоб труп его на страх
Тому, кто не обходится без краж,
Три дня и ночи сторожил ферраш.
Пускай внушает ужас это тело
Гораздому на воровское дело!
А если труп злодея украдут,
То сторожа тогда повесят тут!

Ушел куда-то сторож на часок
И кто-то труп злодея уволок.
Феррашу страшно — нет на нём лица,
Пошел искать по свету мертвеца.

И вот он по ночной степи блуждает,
А в поле тонкий огонек мерцает.
Подходит он поближе и глядит —
Над свежей могилой, среди плит
Склонилась женщина. Она прекрасна.
Ферраш забыл о мертвце и страстно
Воскликнул:
— О моя луна в ночи,
Твои уста как горные ключи,
О идол мой, где пряталась ты втуне?
Ты хороша, как в полночь полнолуние.
Поверить я своим глазам не смею —

Ты женщина земная или фея,
А, может, ты — благословенье божье?
А, может, ты из преисподней? Может,
Ты яркая звезда с ночных небес?
Красавица, что делаешь ты здесь?

И та, что ликом и душой чиста,
Открыла робкие свои уста —
И жалобы рекою полились:
— Здесь мой супруг лежит. Как кипарис,
Он строен был. Уговорились мы:
Кто позже отойдет в край вечной тьмы,
А проще — кто позднее из нас помрет —
При жизни уж не увлечется тот:
Он — гуриями нежными, а я
Брать никого не захочу в мужья.
Три ночи над могилой жгу свечу:
Я успокоить дух его хочу,
Чтоб жил в раю, во мне не разуверюсь...

— Постой, — заметил сторож, — это ересь.
На всей земле не отыскать одну
Такую сердцем твердую жену.
Какой мужчина, овдовев, тотчас
На новую жену не пялит глаз?
Красотка, простодушною не будь.
Влюбившись, ты не согрешишь ничуть.
Напротив, смысл тобою данных клятв
Святой не одобряет шарият.
Свою судьбу ты не переупрямишь:
Коль муж помрет — жена выходит замуж,
Жена помрет — найдет другую муж,
И опорочит старую к тому ж...
— Кому я, горемычная, нужна?
— Согласье дай — и ты моя жена!
— С благословенья неба — соглашусь...

И вот они пошли, чтоб их союз
Скрепил кази. Но, изменясь в лице,

Подумал вновь ферраш о мертвце.
Испытывая страх, сказал он: — Ах,
Любимая, меня повесит шах!
— За что? — спросила женщина.
— За то,
Что с виселицы неизвестно кто
Труп вора умыкнул в полночной мгле.
Коль не найду — и мне висеть в петле.

Пошел в ночи искать я мертвеца —
А вот нашел подругу для венца...
Вдова сказала:
— Не тревожься боле,
Свое лекарство есть для каждой боли.
Мы откопаем мужа моего
И... к виселице отнесем его.
Мертвец на мертвеца всегда похож —
Не различишь их!
— Твой совет хорош!

И оба возвращаются назад,
И оба откопали страшный клад.
Мертвец — при жизни этот бакалейщик
Зловещим был — теперь еще зловещей...
Сказал ферраш:
— Без бороды густой
Был висельник, а этот — с бородой.
Вдова в ответ:
— Не стоит горевать! —
И бороденку ножницами — хвать!
И стал мертвец на диво моложав.
И сторож, тот смердящий труп подняв,
Понес его в ночи, стал снова весел,
На виселицу мертвеца повесил.

А через трое суток этот прах
У всех был похоронен на глазах.
Подвох удался. Тут же на красотке
Ферраш женился. С нею жил он кротко,
Не горевал и гневом не горел.

Прошли года. И сторож постарел.
Когда же он собрался умирать,
Пришла к постели родственников рать.
Он прохрипел:
— Жене все завещаю,
Но пусть она аллаху обещает
Не поступать со мною, неживым,
Как с мертвым бакалейщиком своим!

КОВАРСТВО ЖЕНЩИН

Жил на свете человек ученый,
На чужой премудрости взращенный.
И хоть молод был, всегда твердил:
— Ум у женщин короток и хил.
Женщинам, увы, не верил он
И у них доверья был лишен.
Сочинял он книгу, веря в дар свой,
Под названьем «Женское коварство».
Долго-долго он блуждал по свету
И коварства собирал приметы.
А потом ему, в конце пути,
На ночь в городок пришлось зайти.
У ворот, где он искал причала,
Женщина заезжего встречала.
Помогла сойти ему с коня,
Усадила дома у огня.
Он увидел, как она учтива,
Как она стройна и как красива,
И сказал:
— О госпожа, за почести
Мне твердить тебе спасибо хочется.
Ты скажи мне, где ты научилась
Проявлять подобную учтивость?

И она в ответ:
— Такой урок

Преподал всем женщинам пророк.
Он сказал, что гость — посланец рая,
И что, гостя с честью принимая,
Мы себе торим дорогу в рай,
Сам пророк введет нас к богу в рай.
Если в тайну эту не проник,
Знай же: гость наш — райский проводник.
И еще сказал с небес глядящий:
Гостю приготовь еды послаще,
Ибо гостя в доме доля ждет
Прежде, чем он в этот дом войдет.

Женский ум узнав впервой на свете,
Промолчал ученый, не ответил.
Углубился в рукопись он мигом
(Не предпочитал он женщин книгам).
А она спросила:
— Господин,
Что читаешь ты всю ночь один?
Оторвался мудрый, повернулся,
С чувством превосходства усмехнулся.
— Эта книга, женщина, трудна,
Не для женщин пишется она.
В ней собрал я по путям вселенским
Все преданья о коварстве женском.

Тут она, отняв его покой,
Засмеялась, рот прикрыв рукой.
— Ты похож на человека, право,
Что прогнившим решетом дырявым
Ходит измерять морское дно...
Нет, тебе такое не дано,
Нет, мой господин, не жди удачу,
Эту не решит никто задачу.
Если зачерпнешь воды стакан,
Разве обмелеет океан?
Если женщина вступает в роль, —
И шайтан запросится: «уволь».
Повторю слова пророка смело,

Что коварству женщин нет предела.
Жаль тебя. Но чем тебе помочь?
Лучше б ты молился день и ночь,
Ты же только тратишь время попусту.
Брось-ка, милый, эту книгу попросту.

Очень грустный, очень огорченный,
Молча спать улегся муж ученый.
Утром встал — хозяйка тут как тут.
Щеки у красавицы цветут,
Очи у красавицы горят,
Юбки, словно ветер, шелестят.
Подошла, вся пахнувшая утром,
И сказала:

— Гость мой многомудрый,
Если хочешь, дам тебе лекарство,
Расскажу про женское коварство.
Может, и отвергнешь ты без слов
Этот океан без берегов
И не будешь больше верить книгам,
И не станешь мнить себя великим.

— Что ж, — сказал мудрец, — не возражаю,
Я чужую мудрость уважаю.

Женщина с паласа поднялась,
Вышла, нарядилась, прибралась,
Кудри распушила, расчесала,
Все, что надобно, подрисовала —
И в глазах у нашего ученого
Полдень стал темнее мрака черного.
Что за брови! Луки-самострелы.
А ресницы у нее — как стрелы.
Платье отливает перламутром,
Ходит, словно пава, перед мудрым,
А сама ловчит ярмо надеть.
Родинка — приманка. Косы — сеть.
И уж так кокетлива, дурманна,
Речь полуясна, полутуманна,
Ярок своевольных губ изгиб...

И ученый понял: он погиб.
Он погиб.

— О идол наших дней,
Пусть я буду жертвою твоей.
Всех небесных гурий краше ты.
Я такой не видел красоты.
Ничего на свете мне не надо,
Буду жертвой одного лишь взгляда.
Почему в душе моей тревога?
Что за взгляд!

...Нет бога кроме бога...
Женщина. Ты — рай. Ты — ад. Так жги меня!
...Боже, от огня обереги меня...

И почуял «идол наших дней»,
Что ученый шейх в плену у ней.
И сказала мило и невинно:
— Что с тобою случилось? В чем причина?
Ты ведь мудр, ты видишь всех насквозь.
Не позорь себя, почтенный гость.
Ты в науке славою увенчан,
Ты ведь пишешь о коварстве женщин.
Терпелив и сдержан будь всегда,
Женщинам не верь, от них — беда.

Он взмолился:

— Я попался в сеть,
Больше нету сил моих терпеть,
И ума, и выдержки лишен,
Я погиб, мой ангел, я влюблен.
Помоги, спаси, не погуби,
Гостя хоть немного полюби...

Встала обольстительница миглом
Перед тем, кто верил только книгам
За руку ученого взяла,
В потайную комнату ввела.
Вдруг служанка ворвалась туда:
— Ай хозяйка, ай ханум⁵⁸, беда,

Воротился твой супруг с охоты. —
И запричитала: — Ах ты... Что ты...

Вмиг хозяйка губы закусила,
На лице испуг изобразила,
Кинулась к дверям...
Ученый муж
Ощутил дыханье зимних стуж
И спросил, робея:
— Что с тобой?
Вижу страх в тебе я. Что с тобой?

И она сказала:
— Мой супруг
Третий день отсутствовал, но вдруг
Он вернулся. Если он вдвоем.
Нас увидит, — оба мы умрем.

Книжник наш поднялся торопливо
И затрясся, словно листья ивы,
Про любовь забыл он и про страсть.
— Как бы мне исчезнуть? Как пропасть?
— Лезь в сундук! — хозяйка завопила.
Нянчиться хозяйка не любила.
И ученый муж полез в сундук,
И замок издал свирепый звук.
Мужа с лаской встретила жена,
В комнату его ввела она.
Сел он, развалившись на боку,
А она припала к сундуку.
И к супругу ластилась супруга,
И ласкали милые друг друга.
А потом, стуча рукой по крышке,
Завела она как бы по книжке:
— Ты, мудрец, напрасно тратишь дар свой,
Безгранично женское коварство.

Муж спросил ее:
— Ты что плетешь?
Как-то странно ты себя ведешь.

В полном, будто бы, чистосердечье,
Повела она такие речи:
— День назад, в отсутствие твоём,
Чужестранец завернул в наш дом.
Он — ученый, он такой мудрец!
Создал без пятна его Творец.
Как могла, я всем, что в доме было,
Гостя и кормила и поила.
А потом он в книгу уперся
И читал, наверно, три часа.
Я его спросила:
— Господин,
Что читаешь ты всю ночь один?
Он ко мне спокойно повернулся,
С чувством превосходства усмехнулся
— Эта книга, милая, трудна,
Не для женщин пишется она.
В ней собрал я по путям вселенским
Все преданья о коварстве женском.

Я, признаться, очень обозлилась.
Ишь, какой мудрец, скажи на милость.
Говорю:
— Не трать напрасно слов,
Это ж океан без берегов,
Хоть сто лет на свете проживешь,
Всех преданий ты не соберешь.
Только время тратишь вхолостую.
Глаз не мучь и не трудись впустую.

Взглядом, полным сожаленья нежного,
Он меня обидел пуще прежнего.
Говорю:
— А хочешь, дам лекарство,
Преподам я женское коварство,
Может, и поймешь ты, наконец,
Кто из нас мудрец, а кто глупец.

Я тогда с паласа поднялась,
Вышла, нарядилась, прибралась,

И смотрю — для нашего ученого
Полдень стал темнее мрака черного.
И куда с него слетели разом
Вся его ученость, воля, разум.
Я играла с ним, а он, конечно,
Мною завладеть хотел поспешно.
В небо увлекли его мечты...
В этот миг и появился ты.

Той порою в сундуке тяжелом
Стал мудрец не очень-то веселым.
Липким потом весь покрылся он,
Сдерживал с усилием жалкий стон.
Слышит, говорит супруг в ответ:
— Я не верю. Шутишь ты. Нет, нет.

А жена:
— Солгать я не могла,
Я тебе ни разу не лгала.
Муж вскричал:
— А где же тот подлец?
Я не посмотрю, что он мудрец.
Где злосчастный этот веролом,
Что и пил, и ел в доме моем
И мою хотел похитить честь?
Отвечай скорее — где он есть?
Я убью — буду прав вполне,
Я убью — и грех простится мне.

Выхватив отточенный кинжал,
Он от дикой ярости дрожал.
А жена ему:
— Мой повелитель,
Никуда не делся сочинитель,
Тут сидит он, в этом сундуке.
Мсти ему. Кинжал в твоей руке.

И плутовка мигом подскочила,
Ключ от сундука ему вручила.
А ученый муж чужой страны
Десять раз подряд мочил штаны...

Между тем, недавнею порою
Дужку поломали муж с женою.
Каждый ждал победы, терпелив.
И теперь, супругу ключ вручив,
Крикнула она:
— Бери да помни!
Выиграла я! Смотри в лицо мне.

Засмеялся муж, отбросил ключ,
И сквозь смех сказал ей:
— Ох, не мучь,
Ох, плутовка, ты сыграла ловко,
Из плутовок первая плутовка. —
Он не ведал, что за плутней этой
Есть еще одна — подспудней этой.
— Вот так шутка. Ну, брат, и дела.
Здорово ты мужа провела.
Я уж недалеко был от греха.
За кинжал схватился. Ха-ха-ха. —
Думал он, лукавила жена,
Ради дужки сказка сплетена.
— Что ж, — сказал, — неси вино и ужин.
Поздно уж, нам отдых сладкий нужен.

Ужин подан. Время потекло.
Ели. Пили, Спали... Рассвело.
Муж собрался в баню, а жена —
Отперла ключом сундук она.
— Вылезай. Пришел тюрьме конец.
И забудь скорей, что ты мудрец.
Перестань твердить, как ты твердил —
Ум у женщин короток и хил.
И порви скорее сочиненье,
Не вводи людей ты в заблужденье.
Свет науки, сочинитель книг,
В сеть попался ты, как ученик.
Ты, наверно, слышал в заточенье
Мой рассказ об этом приключенье.

Понял, что хотел тебя мой муж
Переправить в мир небесных душ.
Мужа на тебя я натравила,
А потом в обратном убедила.
Я тебя на гибель обрекла,
А потом спасенье принесла.
Ты решил, что женщина слаба,
Но она сильнее, чем судьба.
А теперь ступай. И хвастай меньше,
Выбрось притчи о коварстве женщин.
Будь здоров. Ну, чем тебе помочь?
Лучше ты молись и день и ночь.

И мудрец, покинув те места,
Начал книгу с белого листа.

О ШИРВАНСКИХ БЕКАХ⁵⁹

Когда из вечной тьмы крошечной
вселенную творил наш бог,
В сокровищницу тайн заветных
ворота отворил наш бог,
И все живое благодатью
навек озарил наш бог,
Одних — в людей, других — в скотину
по праву превратил наш бог,
Избрал сословие пророков
и нас им покорил наш бог.

Когда творил он человека,
над телом ум поставил он,
Вместило сердце человека
премудрость всех былых времен.
Как утвердил свое он благо,
так и ведется испокон.
Потом установил, на свете
святой незыблемый закон:
Один от бога вышел в ханы,
другой пролезть в султаны смог.

Попробуй спать улечься нищим,
а на рассвете ханом встать.
Шипы растут в соседстве с розой,
но розой им не заблистать.
И то, что бог шипы придумал,
нельзя его виной считать.

Так и бедняк не станет беком,
а нищим — ханами не стать.
Да, мудрость бога беспредельна,
недостижим его чертог.

Средь прочих стран Ширван я выбрал,
он как цветник средь прочих стран.
Там жил правитель венценосный,
ширванский хан Мустафа-хан,
Всем мирным жителям Ширвана
понятен был его ферман⁶⁰.
Он беков нескольких приветил,
прославил их на весь Ширван,
Он дал им силу и богатство,
а к остальным был очень строг.

Но вот пред русскою державой
Ширван склонился головой,
И стала русская держава
там наводить порядок свой.
И хитрый генерал Ермолов,
в блестящей форме фронтовой,
Решил переучить всех беков —
кто мертв из них, а кто живой,
Установить их нрав, проверить
их подлинность нашел предлог.

Но только перепись минула,
как их число пошло в зенит,
Они и в городе, и в селах,
и каждый смел и именит.
Смекнули хитрецы, что к бекам
правительство благоволит,
И тотчас все полезли в беки,
и каждый первым норовит,
Кто в беки пишется, кто в ханы —
без проволочек и морок.

О том проведал император,
и был приказ державный дан

Проверить истинность дворянства,
узнать доподлинность дворян.
Тогда с высоким порученьем
приехал Пучин на Ширван,
Но, как ни бился, не дознался
он званий местных поселян.
За ним Меликбегляров прибыл
и начал подводить итог.

Комиссии высокой члены
клялись кораном всеблагим,
Что обличат они лжебеков
и что не будет спуску им,
И что узнает император,
крылом божественным храним,
Кто настоящий бек Ширвана,
а кто под именем чужим,
Кто был по правде в свите хана,
а кто решился на подлог.

О виночерпий, дай мне чару
искристо-пенного вина.
Пускай моя проснется муза,
жестокой зоркости полна,
Пускай гарцует на арене,
как карабахский конь, она.
О муза милая, поведай, —
ты видеть все вокруг должна, —
Как шла история по скату,
и был он крут или полог.

Так вот, в тот день, когда собрали
комиссию... А впрочем, что ж
Таким я стал велеречивым,
сам на себя я не похож.
Скажу короче: слишком много
людей полезло в строй вельмож,
А раз такое дело, — можно
доходов начинать дележ,

Подохла лошадь — рай собакам,
спешу урвать хоть мяса клочок.

И двое лишь не брали взятки
ни с родича и ни с врага,
То был Мамед-Али почтенный
и знатный бек Махмуд-ага,
Другие ж рвали как умели,
была им честь недорога.
Чего там цацкаться, спешите,
пока в карман идет деньга.
Аллах забыт и стыд растоптан,
и совесть отдана в залог.

И стал Гасан чернобородый
посредником в таких делах,
Он для комиссии брал взятки,
на всех делил — велик аллах!
С базара им баранов тащут,
и жир шипит на шампурах.
Но нежные желудки беков
с такой нагрузкой не в ладах,
И вот уже понос кровавый
валит иных с ослабших ног.

Уж не один забыл, что в город
явился он и бос и наг,
В чухе кашмирской он гуляет,
земных не отвергает благ.
Народ во гневе: «Боже правый,
зачем нажитья дал им так?
Кого ограбили?» ...А впрочем,
на чем попался им простак?
Кого ограбили?» ...А впрочем,
какой в вопросах этих прок?

Раздолье бекам. Эх, раздолье!
удача к ним валит валом,
Они жиреют как бараны,
потрясывают курдюком,

Как видно, правда: пала лошадь,
лови кусок зубастым ртом.
Қасым шийбанский — наконец-то! —
с набитым ходит кошельком.
И дома, в благодарность богу,
кейфует он недельный срок.

И беки крупные из мелких
выкачивали, что могли,
И те из пахарей тянули
и доводили до петли.
Так кони у ослов хватают
ячмень, а те режут в пыли...
Монеты сыпались Нух-беку
в карманы с неба и земли,
Ковчегом плыл в потоке злата
он без волнений и тревог.

Мир Асламазову Салиму!
его для мук родила мать!
Ах, сколько мучился бедняга,
чтоб, как другие, беком стать.
Одной тафты пять штук, наверно,
пришлось ему кому-то дать,
И этот кто-то взял отрезы
и с ними спрятался как тать,
Туманами⁶¹ из них хвалилась
жена среди других сорок.

Возможно ли Гаджи-Гасану
сказать сейчас, что он не бек?
Так можно старика обидеть,
он будет мучиться весь век.
Он вам таскал парчу Қашмира, —
никто даяний не отверг...
Тарханов, увидав, что Қнязев
теперь — известный человек,
Дары вручил ему с почтеньем,
то был внимания урок,

О бармекиды! Где же правда?
чья тут нечистая рука?
Ведь есть у нас такие люди,
что трижды ниже ишака,
Меж тем, они гуляют в беках,
а наш Гаджи не бек пока,
И та комиссия в Ширване
понять не может пустяка.
Суфан с Мерваном перед нею,
как перед злобным псом щенок.

Помилуй бог, сам председатель
Гаджи-Гасана оскорбил:
— Не будет беком сын того, кто
подковы с дохлых рвал кобыл...
Но почему ж Саак стал беком?
иль он об этом позабыл?
Иль был в затмении председатель?
иль, как всегда, нетрезвым был?
А может быть, Меликбегляров
Сааку в звании помог?

Что ж, Гаракашев не был беком,
сумел же чуть не ханом стать.
Да, все умеют делать деньги:
кувшинчик может чаном стать.
А денег нет — ходи в бармеках,
тебе ль главой сельчанам стать?
И вот коня ослом назвали,
осел же смог тарланом⁶² стать,
И, ячменя наевшись вдосталь,
осел забыл, как сам убог.

Комиссии высокой члены
клялись пойти на божий суд.
Что уж кого-кого, но беком
Лалаева не назовут,
А сунул им Лалаев в зубы
тысяченку золотом, и тут

Все члены мигом согласились,
что он — из беков, хоть и плут,
И каждый правдою гордился,
и за нее костями бы лег.

К тебе я обращаюсь, муфтий,
достопочтенный и благой,
Ты — толкователь шариага,
так разреши вопрос такой:
Возможно ль, чтоб завзятый грешник,
как все, владел своей женой?
И если ты не будешь честен,
тогда свершишь ты грех двойной.
Скажи, блюститель и хранитель,
как этот примешь ты намек?

Допустим, вышлет губернатор
сто взяточников-приставов.
Но разве это остановит
других рвачей и наглецов?
Тот, кто погряз по горло в гнуси,
стал мулом посреди ослов...
Гамзу приблизил Курбанбеков,
он женщины приводил без слов,
И тот сложил у ног хозяйских
и честь и совесть, как оброк.

О бармекиды, разве можно,
приличествует вам ужель
Считать за бека человека,
у коего в кармане щель,
Тогда как богача Махмуда
вы почитаете не все ль?
Ведь у него в чулане злата —
кошель навален на кошель.
Пускай же божьи благодати
не обойдут его порог.

О да, крепки его запоры,
его заборы высоки,

Ширван со всеми потрохами
сдавили крепко кулаки.
Его сады и бакалеи,
заезжий двор и ледники,
И выезд праздничный, и слуги,
стада, отары, косяки —
Я не сумею перечислить,
для этого мой беден слог.

Ну, скажем, вы назвали беком
любого, кто принес вам дар,
И, скажем, что в Ширван приехал
со свитой знатной сам сардар.
Но кто его достойно примет?
чей дом просторен и не стар?
Ведь одеяла ваши в дырах,
от них идет зловонный пар.
Скотов аллах людьми назначил;
пойми — кто бык, а кто телок.

Кого-то нарекают ханом,
а у него и хлеба нет,
Он плачет о куске насущном,
ему не мил господен свет.
На кой же черт такому титул,
когда разут он и раздет?
Нет, нынче только тот владычит,
кто накопил мешки монет.
Того, что могут деньги сделать,
не сделают ни бек, ни бог.

Пусть человек зовется беком,
но без мошны — какой он бек?
Как бы лиса ни наряжалась —
ей львом не сделаться вовек.
Нанаш-оглу, не постеснявшись,
к знакомцу одному прибег,
И сделаться ширванским беком
помог ему тот человек.

Так на позор своим поступком
он своего отца обрек!

Себя, мы слышали, ширванцем
назвал сын бека одного,
Чтоб мог гордиться он потомством
и возвышать свое родство.
Признаемся, что это, право,
не так уж много для него:
Себя назвать он мог и принцем,
но беком лишь зовут его —
Выходит, что нахальство это —
еще и скромности исток!

Гаджи-Манаф потратил много,
пожалуй, больше ста монет,
Он обивал пороги беков
и поднял на ноги весь свет.
И, наконец, ему сказали:
— Ты — бек, сомненья в этом нет.
Спросил лишь пристав, усмехаясь:
— Скажи мне, если не секрет, —
Ты Голышом был ханом прозван —
зачем ты прозван так, сынок?

Тут Гасан-бек чернобородый,
ладони к сердцу поднеся
И приставу поклон отвесив,
промолвил, глазом чуть кося:
— Хан дал Гаджи-Манафу шубу,
папаху дал, когда же вся
Одежа порвалась, — он голым
в покои хана поднялся, —
И Голышом его назвали,
и честности он не сберег.

Ах, в пух и в прах бы превратиться
тебе, несчастный мой Ширван!
Одни ослы тобою правят,
одна беда, один обман.

Где времена твои были,
правитель твой Мустафа-хан,
Который правил по закону,
чей справедливым был ферман!
Продажным стало наше время,
и люди злы, и рок жесток.

Бесчинствуют все адвокаты,
народу недруг — адвокат.
С дырявой головой, заика,
им Агаджан и брат и сват.
Напишут бедняку прошение,
так оберут его — не рад,
Абдулла-бека обобрали,
раздели, бедного, до пят —
И болтуны разводят сплетни,
им сплетни слаще, чем пирог.

Да, клевета наш край сгубила,
Ширван упал пред нею ниц, —
Выдумывают и клеветуют,
расскажут сотни небылиц,
Дадут совет — и тут же сплетню
сплетут, не ведая границ,
Хоть знают сведущие люди,
что это — выдумка тупиц, —
Попробуй вытянуть ты нитку,
когда запутан весь клубок.

Вот кое-кто, узнавши новость,
немедленно приходит в раж,
Вынюхивает, как собака,
где варят плов, а где — бозбаш,
Из чаши собственной не пьет он,
а лишь из поднесенных чаш.
Увы, все сплетники такие,
привычка их одна и та ж.
А что они с животным схожи —
им это вовсе невдомек.

Пора о тех, кто нами правит,
сказать хотя бы пару слов.
Коль их описывать подробно,
то выйдет пятьдесят томов.
Здесь, как кебаб, всех бедных жарят
и льется с них не жир, а кровь.
Сперва у нас землетрясение
разрушило за кровом кров,
Потом вступили в дело плуты,
громя и вдоль и поперек.

А впрочем, я о полицейских
хоть пару слов скажу пока,
Потом о бедных землепашцах,
о горькой доле бедняка.
Пять раз в неделю Кулебякин
к нам назначает дурака,
И тот куражится и смотрит
на подчиненных свысока,
Он из себя персону строит,
хотя умишком недалек.

Вокруг начальства стая плутов,
к нему идет за плутом плут.
И каждый граждан обирает,
дерет три шкуры, жаден, лют.
Где только можно, там и грабят,
бесчинствуют и там и тут.
Ослов берут у земледельцев
и лошадей у них берут, —
Чтоб сделать скакуна кобылой —
отточит коновал клинок...

Их много, этих тунейдцев:
квартирный, пристав и казак.
Все норовят народ ограбить
и намертво зажать в кулак.
И многие бежали в горы,
оставили родной очаг,

А некоторых посадили,
и доля их — тюремный мрак.
Скажите, кто из заключенных
убийца? Кто из них стрелок?

Почувствовал себя счастливым
и сильным бек Абдул-Али:
Хан-Чабаны, дурное племя,
живет от городов вдали —
Про канцелярии невежды
и знать-то даже не могли!
Объездил Меликов селенья,
что были на краю земли,
И чувствовал себя бароном,
творивший произвол ездок.

Прошла вся свора по уезду,
творя повсюду сто обид.
Как это водится в цирюльне,
народ был наголо обрит.
Саджи забрали у Лахиджев,
в Сальяне не осталось сит.
Чтобы в доверие втереться,
Шейхалибек менял свой вид:
Там он — мюрид⁶⁹. У немюридов
он тоже вызовет восторг.

А белобрысый наш начальник
телка трусливее, болван:
Любой осел к нему на спину
пристраивает свой палан.
У плута каждого — свой способ,
у каждого — свой подлый план.
Я помню — это было позже —
у нас начальствовал тархан.
А раньше Иса-бек — начальник
все брал — от шапки до носок.

И Касим-бек, став инженером,
всем причинил немало зла.

Он, чтобы пусто ему было,
запутал все у нас дела,
Быть инженером — это славно.
Добра наука и светла,
Но он и книжек не читал-то,
и туп и темен, как скала.
И кто заклятого невежду
к аристократам вдруг привлек?

Из-за какого-то воришки,
урядников с собою взяв,
Начальник, устрашая татов,
не обошелся без облав.
А спор о выборах ужасен,
частенько он бывал кровав.
Ах, господи, хотя начальство
людей лишило многих прав,
Народ, уставший в бездорожье,
ты не оставишь без дорог!

Есть мировой судья коварный —
в нем совести ни капли нет.
Он, потрясая бородою,
тебе с улыбкой даст совет,
Но эта борода — приманка.
В ней мудрости, конечно, нет.
Я осторожность соблюдаю,
во избежанье многих бед
Других имен не называю —
вы их читайте между строк...

И если даже для близиру
судья кого-то отстранил —
Где на земле тот добрый гений,
чтоб нас от горя охранил?
Повсюду царствуют мздоимцы —
душа у них черней чернил,
Пускай они лишатся хлеба —
куска насущного и сил,

Как те крестьяне, у которых
последний забран был кусок.

Приехали недавно муллы,
в Ширван пожаловали к нам,
Чтоб разобраться досконально,
кто дерзко нарушал ислам.
Они, хваля свою ученость,
устроили такой бедлам!
И каждый в богословских спорах
был подозрительно упрям,
Во мраке разных толкований
свой зажигая огонек.

Но зря-то человек достойный
кричать не сможет никогда.
Да и бубенчик безязыкий
бренчать не сможет никогда.
Нас злое время добротою
венчать не сможет никогда.
Кто губит город, тот постройку
начать не сможет никогда.
И людям дома не построит,
кто сто домов однажды сжег!

Мечте о лакомом кусочке
любой из мулл бывает рад,
И рыщут муллы по уезду,
зимой ли, летом, без преград.
Всех взяли в оборот святые,
берут впопад и невпопад.
Им — и дошаб из Кюрдамира,
им — и бакинский виноград.
Пошли дела у них недурно,
бог дал им изобилья рог!

И удивительное дело!
кто носит белую чалму,
Тот кажется народу первым
по знанью, чести и уму,

К минбару тот шагает важно —
и как не совестно ему?
О мой калям⁶⁴, рисуй их точно,
служи искусству своему,
Подобно скакуну, калям мой,
бесстрашно делай свой скачок!

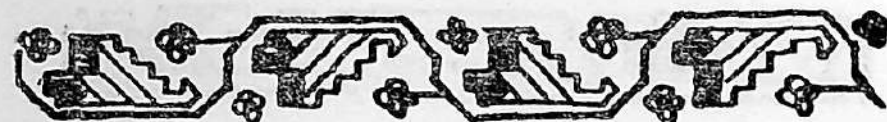
Шейх-уль-ислам — и то однажды
сказал, над муллами смеясь,
Что корни зла и непотребства
бывают глубоки подчас.
Шухрейского кази потомок,
хотя он в глупости погряз,
Святым кази мечтал назваться,
в почете быть хотя бы час.
Но стал он притчей во языцех,
мечта исчезла, как дымок.

Сказал шейх-уль-ислам — я помню, —
и это слышал весь народ:
— Кази да будет, мол, такой-то... —
Сперва не соглашался тот.
Для видимости отказался,
как будто убоясь забот.
Потом, когда он согласился,
и благодетель уж не в счет! —
И захлестнул его волною
глубокой алчности поток...

Жаль, отстранен во время оно
был вдруг Ага-Мамед — кази,
И Алескер-ага — шиитов
теперь уж много лет кази.
Спросил я: разве так бывает,
что исчезает след кази?
Ответили, что и суннитам⁶¹
приносит много бед кази.
И вовсе он не мусульманин,
и лжив его любой зарок!..

Баши

ВЕРБЛЮДИЦА И ВЕРБЛЮЖОНОК

За караваном, слаб и тонок,
Бежал вприпрыжку верблюжонок.
Устал он средь песка и скал,
Желанный отдых чудится.
И жаловаться тихо стал
Он матери-верблюдице:
— Давай немного отдохнем.
Зачем в пески сыпучие
Идешь-бредешь ты день за днем,
Себя напрасно мучая?
Зачем себе ты солнцем здесь
Бока сжигаешь впалые,
Бредя песками, словно Гейс⁶⁵?

— Дитя мое ты малое,
Иду я, бубенцом звеня,
Не собственной охотою.
Зависело бы от меня —
Здесь не лила бы пота я,
Я не брела б в песке, в тоске.
Да только в том беда моя,
Что у погонщика в руке
Натянута узла моя...

О ТОМ, КАК ШЛИ ПО ПУТИ ВЕРБЛЮД И ИШАК

Верблюд с длинноухим однажды весной
Беспечно пылили дорогой одной.
Но вот перерезала путь им река,
И это повергло в тоску Ишака.
Верблюду вода подбиралась к горбу.
И крикнул он спутнику, свесив губу:
— Не бойся, дружок, заходи, не беда,
Не выше горба достигает вода.
Сказал Длинноухий:
— Ты прав, как всегда,
Не выше горба достигает вода.
Но если пойду я вослед за тобой,
Меня-то она захлестнет с головой.

ПЕС И КОШКА

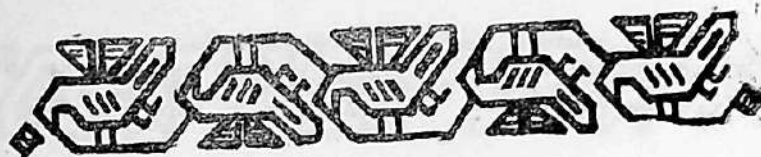
Шел разговор меж кошкою и псом.
Пес ей сказал:
— Ты счастлива во всем!
Ешь сладкие остатки на столе,
Сидишь, мурлычишь в холе и тепле,
Плов уплетаешь из глубоких чаш,
А по утрам дают тебе бозбаш⁶⁶,
Вылизываешь жирные кастрюли.
Ужасно повезло тебе, чистюле!
Зачем тебе такой большой почет?
Что сделала ты для своих господ?

А я-то по утрам все лаю, лаю,
А по ночам и вовсе сна не знаю.
Бывает, что голодным я ложусь,
Бывает, забываю хлеба вкус,
Но не скулю, не жалуясь, однако,
Затем, что я — приличная собака!
Когда хозяин бьет меня кнутом —
Не убегаю, лишь вильну хвостом.
Едва он свистнет — я уж тут как тут —
И жду, какой приказ мне отдадут.
Поэтому не зря среди людей
Идет молва о верности моей.
Так расскажи мне об уловках тех,
Которыми достигнут твой успех!

И кошка псу ответила всерьез:
— Ты прав во всем, не отрицаю, пес!
Хоть что угодно о себе скажи —
В твоих словах, я верю, нету лжи.
Но, все-таки, теперь мне разреши
Раскрыть один изъян твоей души.
Все дело, видно, сводится к тому,
Что ты добра не хочешь никому,
Как бешеный, несешься вдоль двора —
Куда тебе, поганый, до добра:
Заходит нищий попросить кусок —
Готов ты сразу совершить бросок.
Ярится, злиться — ремесло твое,
Хватаешь фалды, рвешь его тряпье.
Когда несет хозяйка подаянье,
Похож твой вой звериный на рыданье,
Глаза твои — кровавы, дыбом — шерсть.
Вот почему тебе и честь не в честь!

Мораль сей басни: не твори обид.
Не уклоняйся от добра, Сеид,
Кусок последний нищему подай,
Как пес — его за фалды не хватай.
Просящему помочь обязан ты, —
Не забывай о пользе доброты.
Тот, кто к добру не тянется, — злодей,
Совсем не уважающий людей.
Немало доказательств ты найдешь,
Что у него душа — как стертый грош.

Коль верующий копит злость свою, —
Не будет места для него в раю!

ПЕТУХ И ШАКАЛ

Однажды на заре старик-шакал
Добычу, обессиленный, искал.
Увидел Петуха он на суку,
Что повторял свое ку-ка-реку,
И спросил:

— Ты что там, Петушок?

Ответил тот:

— Намаза близок срок,
Вот я к молитве и зову народ,
Пусть люди знают — утро настает.
Сказал Шакал:

— Ты допоешь потом,
Спускайся и помолимся вдвоем.
Петух в ответ:

— Пусть наш имам придет,
Пускай высокочтимый к нам придет.

— А кто у вас имам, у петухов?
— Да пес пастуший, самый злой из псов.
Шакал сказал:

— Пока ты на суку,
Я сбегаю, пожалуй, к роднику,
Ведь пред молитвой, чтобы не грешить,
Я должен омовение свершить.

ОСЕЛ И ПЧЕЛЫ

Осел увидел улей
И работающих пчел,
Шестиугольный домик
И пчел нашел осел.
Он к шаху пчел явился,
Задал ему вопрос:
— Зачем стоит домишко
Среди ветвей и роз,
Зачем вам этот улей
Понадобился тут,
К чему жужжанье, будто
Поют свирель и уд⁶⁷?

— Порхают наши пчелы
С цветка да на цветок, —
Ответил шах пчелиный, —
И собирают сок.

Осел в недоуменье:
— А что такое «сок»?
Зачем летают пчелы
С цветка да на цветок?

Дал шах ослу отведасть
Медок от лучших пчел.
Попробовавши меду,
Задумался осел.

Решил пойти «за соком»
В бурьян, что густо рос.

Наелся и вернулся
И отложил навоз.
И, потянувши носом,
Копытом злобно бьет:
По запаху и вкусу
Он не похож на мед.

Тогда он разъярился,
Обманутый осел,
Лягнул копытом улей
И опрокинул пчел.

Пчела пчелу спросила:
— Что за беда стряслась?
Пчела пчеле сказала:
— Постигло горе нас.
Мы сотворили глупость,
Ослу мы дали мед.
Кто кормит медом дурня —
Лишится дома тот!

Сеид, учить разнию —
Пролить напрасно пот.
Твои стихи на рынке
Торгаш не заберет.
Неси лишь ювелиру
Рубин, что ал, как кровь.
Не ценит бакалейщик
Мерцанья жемчугов.

Ах, мало, мало, мало
На свете знатоков!

КОШКА И МЫШИ

В крови мышьиной до ушей,
Душила кошка всех мышей —
Спасения несчастным нет.
Собрались мыши на совет,
Посоветались с месяц,
Решили, наконец,
Что надо ей повесить
На шею бубенец.

Когда опять, теряя стыд,
Начнет ловить их шкодница,
Бубенчик сразу зазвенит —
И мыши все схоронятся!
Прекрасно! Мудро решено!
И найден был бубенчик... Но
Мышонок маленький, ничтоже
Сумняшеся, спросил:
— А кто же
Повесит кошке бубенец?
Найдется ли такой храбрец?
И кто из нас пойдет на риск?

Тотчас умолк и визг, и писк,
И все задумались, скорбя.

Сеид, мечтой наивной
Не тешься, если у тебя
Коварный есть противник!

ГУСЬ И ЖУРАВЛЬ

Плавал гусь по озеру,
Вытянувши шею:
— Птица я диковинная --
Плавать я умею!
А еще могу летать
В небесах я, птица;
Да и бегать я могу,
Я, всех птиц царица!

Услыхал журавль, что гусь
Говорит такое,
И сказал он:
— Гусь, берусь
Спорить я с тобою.
Плавать, словно рыба, ты
Можешь ли глубоко?
И парить средь высоты
Высоко, как сокол?
Бегать можешь ли, как лань,
По земле обширной?
Если нет — так перестань
Дуться, дурень жирный!

Гусь умолк, шипя со зла,

Мой наследник, ремесла
Одного постигни суть
И поверхностным не будь,

Не мечись ты влево, вправо,
А не то, боюсь,
Будешь и летать, и плавать,
И ходить, как гусь!

КОШКА СТАРУХИ

Ни для бабки, ни для кошки
В доме хлеба нет ни крошки,
Ничего под крышей нет,
В доме даже мыши нет.

И тогда решилась кошка:
Шась — махнула из окошка
И на крышу по стене:
— Ах, воробышка бы мне!
Очень сладко мясо птичье...

Видит кошка: к ней мурлыча,
Сытые, из темноты
Вышли кошки и коты,
Жиром залитые сплошь.

Стало тощей невтерпеж —
И спросила кошка жалостно:
— Вы ответьте, мне пожалуйста,
Почему вы так жирны,
Почему вы так тучны?
Ваши зубки чище жемчуга,
Мне же есть давно уж нечего,
Погибаю от тоски.
Где вы жирные куски
Достаете? Видит небо —
Я забыла запах хлеба,

Не поймала я и мышки...
Отвечают те:
— Глупышка!
А на что у хана кухня, —
Кормят там отменно вкусно,
Вдоволь мяса, плова вдоволь —
С нами ты пойти готова ль
Пообедать — к хану — завтра?
Там — ореховые ядра,
Там — и рыба, и фазан,
И долма, и фисинджан⁶⁸,
Ты в жиру намочишь лапки!

Возвратилась кошка к бабке,
Не ложится ей, не спится,
Снится жареная птица,
Мечется, мурлычет глухо.

И сказала ей старуха:
— Что с тобой, не понимаю,
Не больна ли?
— Мяу, мяу,
В доме нету даже мыши.
Я вскарабкалась на крышу,
А ко мне из темноты
Вышли кошки и коты.
Жирные, усатые,
Шерсть у кошек гладкая,
Глазки кошек светятся,
Круглые, как зеркальца.
Как тут не дивиться,
Как тут не поверить:
Кошки — будто львицы,
А коты — пантеры!
Я у них спросила жалостно:
— Вы ответьте мне, пожалуйста,
Отчего вы так жирны?
Отчего вы так тучны?
— Мы идем на кухню хана,

Там едим мы постоянно
И фетиры, и кутабы,
Там и ты поесть могла бы.
Как отведаешь долмы,
Станешь жирной, как и мы...

Вот и я туда пойду
Добывать себе еду,
Там я тоже, мяу, мяу,
крышки с пищи снимаю,
С головой уйду в казан —
Что такое фисинджан?

Бабка ей в ответ с упреком:
— Кошка, свет моих очей,
Беднякам выходит боком
Угощение богачей.
А еще, и в этом суть,
Жадной, милая, не будь,
Ешь, что можно дома есть,
Будь довольна тем, что есть.
И не зарься на чужое,
Не бросайся на чужое,
Кто не жаден — тот богат:
Лишь в руинах ищут клад.
Надо, если кушать хочется,
Потрудиться, поохотиться!

Кошка все слова старухи
Пропустила мимо уха
И хвостом всю ночь вертела,
И во сне кутабы ела,
Фисинджан, бараньи ножки.

А наутро из окошка
Шасть на крышу — и к котам,
Собралось их много там.

Вышла стая утром рано
На дорожку — к кухне хана.

И ушами прядая,
Жирные, усатые,
Влезли в узкую дыру
Гости на чужом пиру.

Поднялся галдеж на кухне,
Начался грабеж на кухне.
Беготня. Урчанье. Чад.
Кошки мясо рвут, рычат.
Услыхав кошачий говор,
Ворвался на кухню повар,
Началась тотчас расправа, —
Бьет он слева, бьет и справа!

Кошки жирные сбежали,
Только тощая в подвале
В уголке поджала лапки —
— Не уйду теперь от бабки!

Как увидел повар тощую —
Сапогом ее попогачевал
И ударил помелом.

Так и надо. Поделом!..

МЫШОНОК

Был мышонок глуп и несмышлен
Ничего не видел в жизни он.
И ни разу из своей норы
Носу не казал он до поры.
Но однажды от родни тайком
Он покинул свой подпольный дом.
Смотрит и дивится:
Тут — нора.
А поодаль высится гора,
Тут долина, там гора опять...
Трудно несмышленишу понять.
А еще сидели звери там,
Он их и не знал по именам.
Кошка, чуть похожа на него,
Кошка с виду будто ничего.
Хорошо бы подружиться с ней...

Но петух, в ретивости своей,
Хлопнул крыльями и заорал.
И мышонок в страхе тягу дал.
И сказал он матушке своей:
— Встретил я диковинных зверей.
Вид приятный был у одного,
Этот зверь был вроде ничего.
Шерсть гладка, усишки как у нас,
И еще веселый желтый глаз.

Я хотел бы подружиться с ним,
Только страха набрался с другим.
Я таких не видел на веку.
Этот зверь кричал ку-ка-ре-ку,
Молотил крылами по земле
И ходил свирепый, словно лев,
Землю рыл, кого-то бил в траве,
И огонь горел на голове.
Я взмолился:
«Господи, спаси,
Крылья дай мне, к маме унеси!»
Струсил я. От страха сам не свой,
Тягу дал я, прибежал домой.
Если бы не этот горлопан,
Был бы новый друг судьбой мне дан.

Мать сказала:
— Глупый мой сынок,
Разобраться ты ни в чем не смог.
Маленький, напрасен твой испуг,
Это был петух, простой петух.
Он совсем не страшен нам, мышам,
Ни большим мышам, ни малышам.
Это он перед зарей поет,
Возвещает солнышка приход.
Тот же, у кого так шерсть гладка, —
Злейший недруг наш на все века.
От него нам горе и беда,
С ним ты не якшайся никогда.

Мальчик мой, Джафар!
Я много жил.
Эту сказку я тебе сложил,
Чтобы меньше ты знавал обид,
Чтоб на внешний не тянулся вид.
Вещи есть (скажу я от души),
Что вредны, а с виду хороши.
Сказка вся.
Поразмышляй над ней,
Станешь осторожней и умней.

КАЖДОМУ СВОЕ МИЛО

К нам дошло от рассказчиков
Прошлых времен,
Что однажды ворону
Просил Соломон:
— Облети и разведай
Все дебри лесов,
Принеси мне красивейших самых
Птенцов!
Полетела ворона,
Всех птиц обошла,
Но красивейших самых птенцов
Не нашла:
Этот — мал, тот — велик,
Все не то да не то.
И в свое
Возвратилась ворона гнездо.
Увидала ворона
Своих воронят —
И вороньи глаза
Восхищеньем горят.
— Всех птенцов благородней
Мой милый птенец.
То, что надобно мне,
Я нашла, наконец!
Соломону
В подарок его отнесу —

Всех птенцов он прекраснее
В нашем лесу.
Увидав вороненка,
Святой Соломон
Был подарком таким
Возмущен и смущен...
— Твой птенец неуклюж.
Или лучшего нет?!
Извинившись,
Ворона сказала в ответ:
— Осмотрела все гнезда.
Там нет никого,
Кто достойнее был бы
Птенца моего.
Убедилась я в этом,
Над лесом летя:
Каждой матери мило
Родное дитя!..
...Если сын твой и слеп, и плешив,
Как на грех, —
О Сеид, для тебя он
Прекраснее всех.
Близкий — близкому
Дорог и мил и хорош!
И на это намек
Между строк
Ты найдешь!

Tazeta

*
* *

Не повернулась, не явила жалость, прошла — и все.
И не взглянула, и не задержалась, прошла — и все.

Вокруг шумит весна, а в сердце осень и листопад,
А в сердце только тлен и обветшалость, прошла — и все.

Я мучусь днем, а ночью, друг мой, ночью я весь в слезах.
С отчаянием жизнь перемешалась, прошла — и все.

Перед ее конем, как перед шахом, упал я ниц,
Но в ней участья нету и на малость, прошла — и все.

На сборищах иных она пылает, другим горит,
А я во тьме, но тьма не удержалась, прошла — и все.

Сеид, все отняла ее жестокость, ее краса,
И мужество ушло, и возмужалость прошла — и все.

*
* *

Пришла весна. Мне тяжело без любви:
Без цветника тоскуют соловьи.

Любовь моя, есть у меня соперник,
В шипах ты прячешь лепестки свои...

Сменяет утро ночь. Без темнокозой
Я даже днем во тьме и в забвении.

Кто о больном печется — заболевает.
Нарцисс, меня бальзамом напои!

Соперник мой в мою луну влюбился, —
А грешен я, и слез текут ручьи.

Полны ли тайн твои уста, или нет их?
Любимая, ты это не таи.

Сеид, змеистых кос остерегайся —
Факира не бывает без змеи.

*
* *

Я думал: расставанье с нею смогу перенести без слез,
Но все кровоточит разлука, и сердце кровью запеклось.

Сболтнул я лишнее, как видно. Пусть онемее мой язык.
Я друга лучшего обидел. Любимая со мною — врозь.

Из-за чего возникла ссора? Всею виною — поцелуй.
Она ушла, а я пылаю. Во мне дыханье занялось.

Ах, ямочка на подбородке! В тебя я всею душой влюблен,
И эту душу, как Юсифа⁶⁹, в колодезь бросить мне
пришлось.

Любимая, любую пытку я молча от тебя приму.
Пускай творец меня накажет, что все пошло и искривь,
и вкось.

Я в городе из всех красавиц люблю красавицу одну,
Бровей натянутые дуги опасней вражеских угроз.

Сеид был горд благоразумьем. Своей же воле вопреки,
Он вовсе разумом затмился от темноты ее волос!

*
* *

Тому, в чей дом любимая приходит, — сто раз хвала,
Тому, в чей дом ходила часто радость, хозяйкою была.

Тому, кто сам своих друзей достоин, кому верны друзья,
Чей для друзей не скуден стол, а в сердце тревога
не жила.

И что ж, что нет у нас порою денег, не в том беда,
Царили б только вера и доверье вокруг нашего стола.

Наверно б я так слепо не влюбился во тьму кудрей,
Когда бы волен был над бедным сердцем и не сгорел
до тла.

Пусть соловей не разлучится с милой, пусть у него
Всегда цветет весна в душе влюбленной, просторна
и светла.

И кровью пусть не обагрится сердце, как у меня,
Не как меня, пускай мечта коснется его концом крыла.

Сеид вовек не думал бы о рае, на что мне рай,
Когда бы ты всегда и всюду рядом со мною быть могла.

*
* *

Сокрушен я был любовью, но решил, что бог простит.
Я сгорал, терял здоровье, но решил, что бог простит.

В черных локонах любимой я запутался совсем,
Истекал в борьбе я кровью, но решил, что бог простит.

У нее пылают щеки, я горел на том огне,
Будто пламя — в изголовье, но решил, что бог простит.

Для меня разлука—гибель, но и встреча с нею—смерть,
Жизнь теряю вновь и вновь я, но решил, что бог простит.

Сердце плавилось, как в тигле слиток золота большой,
Проклял я свое сословье, но решил, что бог простит.

Я, Сеид, подобно солнцу, обошел бескрайний мир,
Потерял и дом и кров я, но решил, что бог простит.

Я врезался в девичью память, в сумятицу девичьих снов.
От губ твоих кроваво-красных и сам я превратился
в кровь.

И пусть аллах меня накажет и не избавит от разлук,
Коль за единственную встречу отдать всей жизни
не готов!

Кто говорит, что тьма слепяща? Возможно ль верить
в эту ложь,
Когда я тьму волос увидел и черную, как полночь, бровь.

О свет моих очей высокий, в моих очах пылает свет,
Когда мы смотрим друг на друга, глаза в глаза,
моя любовь.

Я губ твоих вино украдкой однажды быстро пригубил,—
Источник Хызра⁷², ты слабее, хоть славен множество
веков!

Неопытен, как видно, лекарь, и разобраться не сумел,—
Невинности простую робость — за опасенье принял
вновь!

Сеид, зачем ты ждешь ответа? Иль недостаточен намек—
Она, не шевельнув губами, тебе ответила без слов!

Не грусти, что ныне солнце долу клонится устало,
Если сотня солнц прекрасных сбрасывает покрывала!

Милая проходит счасей, значит, мне светил не надо,
Коль и солнце бы померкло, то душа б не горевала!

Господи, прошу, чтоб мирно проходил меджлис
любовный.
Чтобы никаких восстаний на меджлисе не бывало.

Хызр! Сегодня я с любимой, пригубил ее напиток, —
Для меня виденье это вновь истоком жизни стало.

Вот она лицо открыла, розово мерцают щеки,
Посмотрите, от смущенья девушка пылает ало!

Чтоб любить, Сеид, пророка, нечего спешить в Каабу⁷³:
Мейхану ты не покинешь — удовольствий тут немало!

*
* *

Ханжа, твердя о Судном дне, встревожил нас в мечети,
А может, милая моя была в тот час в мечети.

И может, он, увидев стать ее и величавость,
Заговорил о Судном дне, в тоске мечась, в мечети.

Она вошла и вдруг лицо открыла за минбаром,
И благодать сошла на всех, как божий глас, в мечети.

Про службу сразу позабыв, застыл сраженный служка:
Она была без покрывал и без прикрас в мечети.

Пришла в волнение мечеть, смутились прихожане,
Кто видел эту красоту хотя бы раз в мечети?

Я в мейхане просил Творца проклясть ханжу дурного,
Чтоб нас от слов его и глаз навеки спас в мечети.

Сеид! Гони его, гони из всех на свете храмов,
Чтоб, как сова, не накликал беды на нас в мечети.

*
* *

Добра не хочет никому ханжа,
Ты человек ли, не пойму, ханжа?

Был матерью ты брошен у минбара,
Отец твой тоже канул в тьму, ханжа.

Про ад и рай рассказывая сказки,
Сам в адском пламени, в дыму, ханжа.

Опять о боге затеваешь споры,
Но эти споры ни к чему, ханжа.

Ты пьешь вино невежества, ругая
Вино, тихонько пьешь в дому, ханжа!

Сеид узнал: плетешь ты небылицы.
Не верю твоему уму, ханжа!

*
* *
*

Забудь о таинствах молитвы, коль есть на свете мейхана.
Держи в руке не кости чётков, а чарку доброго вина.

Забудь аскетов и мечети, не бей поклоны, не мечись:
Аскеты — совы, а мечети — развалины, где ночь длинна.

Моя душа тоской объята, запуталась в твоих кудрях.
Считайте, что она безумна, что навсегда в цепях она.

Когда красавица захочет поправить волосы свои —
Ты, солнце, зеркалом служи ей, и гребешком ей будь,
луна!

Ах, покорись ей безраздельно, как мотылек сгори у ног.
Душа, коль мудрой быть желаешь, как мотылек сгореть
должна.

Взгляни, как стал я нынче жалок из-за невысказанной
любви,

С моею страшной болью рядом Фархада⁷⁴ мука
не страшна.

Прошу, в мечеть не заходите, там царствует один захид⁷⁵,
Сеид, скорей наполни чарку, она одна тебе верна!

*
* *
*

Аскет, чванливый себялюбец, в тебе достоинств многих
нет.

В дворец любви, в её чертоги тебе, аскет, дороги нет.

Так стой у своего минбара, коль тело лишено души:
Ведь даже печени, чтоб мог ты пылать в огне тревоги,
нет.

Моя душа проникла в тайну неиссякаемой любви.
Ты знаешь ли об этом чувстве, ханжа, в сужденьях
строгий? Нет!

Молись в полупустой мечети, о райских гуриях шепча,—
Перед тобой одна пустыня, и ничего в итоге нет.

Сухарь-захид, не зазнавайся пред тем, кто любит: у тебя
Ни слёз, ни пламени, ни муки, ни милой недотроги нет.

Ты никого не поцелуешь и никому руки не дашь,
Нет от тебя и вовсе проку, нужды в твоём упреке нет.

О сердце, в рай ты устремилось, в эдеме хочешь
побывать,—
Бескрылое, ты разве будешь в божественном чертоге?
Нет.

Лицо, как золото, желтеет, а слёзы — будто серебро,
Так не тоскуй, Сеид, что беден, что золотого рога нет!

Когда аскета в мейхану попить и спеть потянет,
Гяуром буду, если вновь его в мечеть потянет.

Друзья, я с помощью вина свершаю омовенье,
И кто от милой коврик мой к Каабе впредь потянет?

Напрасно ты меня, аскет, заносишь в список пьяниц,
Меня сильнее, чем мечеть, вино и снедь потянет.

В стекле бокала вижу я лицо моей любимой,
А без того едва ль меня в свою он сеть потянет.

И если мне ее лицо увидеть удастся,
Едва ль Сеида на коран потом смотреть потянет.

Восседает на циновке непрестанно проповедник,
Но клянусь, что это только для обмана, проповедник.

Ты смиренными словами всех зовешь к добру и правде,
А душа твоя злобива и туманна, проповедник.

Слезы льешь ты, рай пророчишь или адом устрашаешь,
Но ведь это только сказка из корана, проповедник.

А меж тем, худой пожиток у сирот ты отнимаешь,
И за счет чужой пируешь невозбранно, проповедник.

О любви и о страданье ты понятия не имеешь,
Потому-то пуст до днища, вроде чана, проповедник.

Учишь нас на божью милость возлагать свои надежды,
Только лучше, если руки неустанны, проповедник.

Я, Сеид, двуличным был бы, как и ты, когда я скрыл бы,
Что порою пью вино я из стакана, проповедник.

*
* *

Если кубок твой наполнен — четками стучать не надо.
На ревнителей намаза взгляда обращать не надо.

В мейхане сиди спокойно, слушай, как поют мугамы⁷⁶,
А на голос муэдзина⁷⁷ с места и вставать не надо!

Западня — захида речи, четки — зёрна для приманки.
Берегись, о птица сердца, в западне скучать не надо.

Никому не подчиняйся, заклинаньям не сдавайся,
Никогда свою свободу в рабство превращать не надо.

Не стелись ты, как циновка, редким гостем будь
в мечети,
На уста в подлунном мире налагать печать не надо!

Позабудь о муках ада, не живи под божьим страхом,
Что там мир потусторонний! Мне о нём мечтать не надо.

Мейхану считаю раем, кравчего зову гылманом⁷⁸.
Верить в то, что людям муллы могут обещать, не надо.

О Сеид, пойми глубоко суть написанной газели:
Быть гулякой и харчевни часто посещать не надо!

Неверно правит наш творец — в дугу влюбленных гнет,
Усердствует Аллах, пока нас в землю не вернет.

В земном саду и розы он кровавой не откроет,
Покуда горе соловью не окровавит рот.

Он зло несет лишь тем, кто добр и в помыслах отважен,
А вот невеждам никогда он зла не принесет.

У дурака одна болезнь — найдет он сотню зелий,
А мудрецу на сто хвороб лекарства не найдет.

Не стал визирем Навои, и так творец старался,
Пока не стал слугой поэт, изведав шахский гнет.

Не даст господь и Физули⁷⁹ своей мечты достигнуть,
Погонит по степям тоски, закроет мглою свод.

Сеид! Он для тебя избрал одно лишь горе мира,
Наверно, никому такой он доли не пошлет.

КОММЕНТАРИИ.

- 1 *Меджлис* — собрание.
- 2 *Хатем* — легендарная личность, олицетворяющая на Востоке щедрость и доброту.
- 3 *Байрам* — праздник.
- 4 *Ферраш* — охранник, полицейский.
- 5 *Казн* — духовный судья, судивший только по законам шариа.
- 6 *Рей* — древний город и область в Иране.
- 7 *Сухейли* — средневековый арабский ученый.
- 8 *Санджан* — городок в Палестине.
- 9 *Новруз-байрам* — новогодний праздник, отмечающийся по мусульманскому календарю 22 марта.
- 10 *Собака асхабова* — мифическая священная собака.
- 11 *Искендер* — Александр Македонский.
- 12 *Мамун* (786—833) — арабский халиф из династии аббасидов.
- 13 *Тур* — гора в Аравии, на которой, по преданию, Моисей разговаривал с богом.
- 14 *Аббасиды* — династия арабских халифов, господствовавшая в Багдадском халифате с 750 по 1258 г. и состоявшая из 27 халифов.
- 15 *Гарун-Аль-Рашид* (763—809) — арабский халиф из династии аббасидов.
- 16 *Бахлул* — легендарная личность, прославился на Востоке как автор поучений.
- 17 *Омирас* — (правильнее Омирос) — так называли на Востоке Гомера.
- 18 *Эмир* — правитель.
- 19 *Саади* — (1184—1291) — великий таджикско-иранский поэт.
- 20 *Аз-уд-довле* — среднеазиатский феодальный правитель.
- 21 *Логман* — мифический мудрец—врач.
- 22 *Динар* — денежная единица в Аравии.
- 23 *Архалук* — верхняя мужская одежда, род кафтана.
- 24 *Хамадан* — провинция в Иране.
- 25 *Шираз* — город в Иране, родина Саади.

- 26 *Рум* — Малая Азия.
- 27 *Гасанбек Меликов* (Зардаби) (1842—1907) — выдающийся азербайджанский просветитель, ученый-материалист, публицист.
- 28 *Ахунд* — духовное звание.
- 29 *Дервиш* — мусульманский нищенствующий монах.
- 30 *Шариат* — свод мусульманских религиозных и юридических норм.
- 31 *Муфтий* — духовный глава суннитов. Сунниты и шииты — два основных направления в исламе, возникшие в VII веке.
- 32 *Шейх-уль-ислам* — духовный глава шиитов.
- 33 *Гарин* — отрезок времени, равный 33 годам.
- 34 *Сура* — глава в коране.
- 35 *Дия* — мифическое существо, чудовище.
- 36 *Салман* — один из приближенных Мухаммеда, по происхождению перс.
- 37 *Эфенди* — господин, духовное звание.
- 38 *Карабах* — область в Азербайджане.
- 39, 40 *«Тифлисский вестник»* и *«Кавказ»* — русские газеты, выходившие в г. Тифлисе при царизме.
- 41 *Машаллах* — выражение похвалы, одобрения, иногда произносится как заклятие от сглаза.
- 42 *Гаджи* — почетное прозвище мусульманина, совершившего паломничество в Мекку (город в Аравии).
- 43 *Шахсеванцы* — племя в Иране.
- 44 *Имам* — представитель высшего мусульманского духовенства.
- 45 *Иса* — Иисус.
- 46 *Кербала* — город в Ираке, где похоронены имамы; место паломничества мусульман-шиитов.
- 47 *Исфаган* — город в Иране.
- 48 *Езду*, *Бехбахана* — города в Иране.
- 49 *Усули-кафи* — духовная книга о нормах поведения мусульман.
- 50 *Фехри-Рази* — иранский ученый-схоласт XII века.
- 51 *Налеины* — башмаки.
- 52 *Аба* — род верхней одежды.
- 53 *Минбар* — амвон.
- 54 *Бейзави* — мусульманский ученый-схоласт.
- 55 *«Книга души»* — средневековое религиозное сочинение.
- 56 *Джебраил* — архангел Гавриил.
- 57 *Азраил* — ангел смерти.
- 58 *Ханум* — госпожа.
- 59 *О ширванских беках* — имена, называемые в тексте, принадлежат реальным людям—бекам, чиновникам и духовным лицам, жившим в то время в Ширване.
- 60 *Ферман* — указ, закон.
- 61 *Туман* — род женской одежды.
- 62 *Тарлан* — сокол.
- 63 *Мюрид* — приверженец веры.
- 64 *Калям* — перо.

СОДЕРЖАНИЕ

- 65 *Гейс* — имя Меджнуна.
 66 *Бозбаш* — азербайджанское национальное блюдо.
 67 *Уд* — музыкальный инструмент.
 68 *Долма, фисинджан* — азербайджанские национальные блюда.
 69 *Юсиф* — Иосиф Прекрасный.
 70 *Мейхана* — трактир.
 71 *Мариам* — дева Мария.
 72 *Хызр* — пророк Илья.
 73 *Кааба* — храм в Мекке, место паломничества.
 74 *Фархад* — легендарный каменотес-зодчий.
 75 *Захид* — проповедник.
 76 *Мугамы* — классические азербайджанские мелодии.
 77 *Муэдзин* — лицо, с минарета призывающее мусульман к молитве.
 78 *Гылман* — райский юноша.
 79 *Физули* — (1498—1556) — великий азербайджанский поэт.

Жизнь — подвиг 3

ПРИТЧИ И РАССКАЗЫ В СТИХАХ

О том, как Хатем кормил голодных	17
Два принца	19
Шах и садовник	21
Не всякому открывай свое горе	22
Скупец	24
Старуха и ее сын	25
Пророк	27
Вопрос шаха	28
Шах и педагог	29
Крестьянин и хан	31
Сон санджанского шаха	33
Два мнения	35
Аскет и череп	36
Притча	38
Меджнун и собака его возлюбленной	40
Ткач	42
Искендер и сумасшедший	44
Два врача	45
О человеке, потерявшем ишака	47
Сатана	49
Мудрый совет	51
Шутка шаха	52
О том, как багдадец славал деньги на хранение	54
Все равно придет сюда	58
Аскет-чревоугодник	59
Багдадский халиф и Бахлул	60
Лицемерный аскет	62
Омирас	64
Рассказ о Селиме	66
Что сказать	68
Добро не забывается	69
Нищий и скупец	71
О соловье и сыне Азуд-уд-довле	72
Молитва	74
О Логмане, проданном в рабство	75
Богослов и его сын	77
Гарун-аль-Рашид и поэты	78
О том, как султан со своим рабом плыли морем	79
Искренний друг	81
Продай за свою цену	83
Случай с хамаданским правителем	84
О том, как хапутлинцы получали язык	86
Если ты ударишь еще раз	87
Слепой	88
Саади и скряга	89
Завещание Искендера	91
Глазами Меджнуна	92

ОБРАЩЕНИЕ К МУСУЛЬМАНАМ

Обращение к мусульманам Кавказа	95
Наставление	99
По случаю воздвижения памятника Пушкину	101
Три языка	103
Что такое газета	105
Пьяницей не будь!	107
Я часто слышу	109

САТИРЫ

Похороны пса	113
О том, как обитатели земли отправились на небо с челобитной	115
Духовное образование	118
Ученый неуч	123
О том, как кази сжег бороду	125
Взятка богу	127
Как повесили мертвеца	130
Коварство женщины	134
О ширванских беках	143

БАСНИ

Верблюдица и Верблюжонок	161
О том, как шли по пути Верблюд и Ишак	162
Пес и Кошка	163
Петух и Шакал	165
Осел и Пчелы	166
Кошка и мыши	168
Гусь и Журавль	169
Кошка старухи	171
Мышонок	175
Каждому свое мило	177
Не повернулась	181

ГАЗЕЛИ

Пришла весна	182
Я думал...	183
Кто тобою быть	184
Жизнь бы отдал я	185
Если быть тебе у стен ее	186
Сад зеленеет	187
Тому, в чей дом	188
Сокрушен я был любовью	189
Я врезался в девичью память	190
Не грусти	191
Ханжа, твердя о Судном дне	192
Добра не хочет...	193
Забудь о таинствах молитвы	194
Аскет чванливый	195
Когда аскета в мейхану	196
Восседает на циновке	197
Если кубок твой	198
Неверно правит наш творец	199
Комментарии	200